Проф. С. Н. Булгаковъ.

I.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И РЕЛИГІЯ

(о противорѣчивости современнаго безрелигіознаго міровоззрѣнія).

II.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТА

и современное сознаніе.

Печатня А.И. Снегиревой Москва.
1903.

4044
24

Интеллигенція и религія.

(Рѣчь въ собраніи студентовъ и курсистокъ, устроенномъ Петербургскимъ христіанскимъ студенческимъ кружкомъ въ Соляномъ Городкѣ 27 января 1908 г.)[1]).

Мм. Гг.!

Приглашенный С.-Петербургской группой международной студенческой христіанской ассоціаціи выступить въ ея торжественномъ годичномъ собраніи съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ слушателями своими мыслями и чувствами по поводу современности, я долго колебался, прежде чѣмъ принялъ это приглашеніе. Мнѣ слишкомъ ясны были всѣ трудности, и внѣшнія и внутреннія, въ бѣгломъ и случайномъ чтеніи касаться великихъ и мучительныхъ вопросовъ жизни современной души, и если я послѣ борьбы съ собой преодолѣлъ это замѣшательство и это колебаніе, то потому, что я счелъ особеннымъ своимъ долгомъ отозваться на этотъ призывъ, какъ идущій непосредственно изъ среды студенчества, ибо духовное воздѣйствіе на наше студенчество и идейное соприкосновеніе съ нимъ было и остается для меня постоянной заботой и свѣтлой мечтой: болѣе плодотворной, хотя и болѣе трудной работы сейчасъ я не знаю. И если рѣчь моя является случайной по своему поводу, то она не такова по содержанію, ибо въ ней найдутъ выраженіе медленно и трудно складывавшіяся убѣжденія, то, что я считаю за истину въ результатѣ посильной научной работы, философскихъ размышленій и жизненнаго опыта, „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. Нѣкоторымъ изъ васъ, можетъ быть, не безызвѣстенъ и по моимъ научнымъ и литературнымъ работамъ пережитой мною духовный переломъ, въ результатѣ котораго отъ атеистическаго міровоззрѣнія, опиравшагося на извѣстныя научныя и философскія посылки, провѣряя ихъ умомъ и сердцемъ, наукой и жизнью, отступая

[1]) Повторена въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ, 12 марта 1908 год

шагъ за шагомъ, я возвратился сознательно къ вѣрѣ дѣтскихъ дней, вѣрѣ въ распятаго Бога и Его Евангеліе, какъ къ полной, высочайшей и глубочайшей истинѣ о человѣкѣ и его жизни. Способъ усвоенія Евангельскаго ученія и путь къ нему исторически и индивидуально можетъ быть чрезвычайно различенъ: сынамъ нашего вѣка приходится преодолѣть особенно много препятствій, умственныхъ и нравственныхъ, для того, чтобы усвоить себѣ то, что открывается дѣтскому или простому, но чистому сердцу даромъ и, можетъ быть, полнѣе и чище, чѣмъ намъ. Христіанство не есть религія однихъ ученыхъ или философовъ, или только женщинъ, дѣтей и невѣжественной черни, какъ думаетъ полуобразованная толпа нашего времени, его всечеловѣчность и всенародность открывается больше всего въ томъ, что оно доступно въ мѣру вѣры, личнаго подвига и сердечнаго устремленія одинаково и глубочайшему философу и ребенку, Августину и пастуху, Канту или Гладстону и русскому крестьянину. Подъ корой внѣшняго человѣка, внѣшней дѣятельности и суеты каждый хранитъ частицу своей дѣтскости, изначальной божественной чистоты, о которой плачетъ чеховская героиня въ послѣдней его пьесѣ („О мое дѣтство, о, чистота моя!“) И это чувство глубже и потому могущественнѣе всѣхъ эмпирическихъ и историческихъ различій, ибо созидается изъ мистическихъ корней души. Какъ переживаніе, оно дано въ религіозномъ опытѣ каждаго, кто ему не чуждъ, и тому не нужно объ этомъ разсказывать. Но въ то же время благодаря отсутствію религіозной жизни для нашей интеллигенціи это кажется столь чуждымъ, непонятнымъ, отвлеченнымъ. Можетъ быть, понятнѣе здѣсь окажется могучее слово и признаніе поэта, притомъ типичнаго поэта-интеллигента, съ больной, разъѣденной жизненными противорѣчіями душой, родного нашего Некрасова, коего 30-лѣтнюю тризну мы праздновали на-дняхъ. Не всѣмъ, можетъ быть, памятны эти дивныя строки. Поэтъ описываетъ свое возвращеніе на родину и родныя впечатлѣнія. Я узнаю—пишетъ онъ:

Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревушекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль.

Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неутолимой
Святое бремя приносилъ
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной"...
Я внялъ... Я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Вотъ сліяніе интеллигенціи съ народомъ, полнѣе и глубже котораго нѣтъ. Но многіе ли изъ интеллигентовъ, читателей и почитателей Некрасова, склонялись предъ „этимъ скуднымъ алтаремъ", соединяясь съ народомъ въ его вѣрѣ и его молитвѣ? Нѣтъ, немногіе. Скажу прямо: единицы. Масса же, почти вся наша интеллигенція отвернулась отъ простонародной „мужицкой" вѣры, и духовное отчужденіе создалось между нею и народомъ. Мнѣ вспоминается по этому поводу одна случайная картинка изъ жизни второй Государственной Думы. Въ одинъ изъ весеннихъ солнечныхъ дней, когда во время думскаго засѣданія депутаты и журналисты прогуливались въ Таврическомъ саду, мое вниманіе привлекла собравшаяся группа нарядной петербургской публики изъ депутатовъ и газетныхъ сотрудниковъ, къ чему-то прислушивавшаяся и время отъ времени покатывавшаяся отъ смѣху: въ срединѣ толпы оказался забредшій туда Волынскій крестьянинъ, старикъ, съ чуднымъ и скорбнымъ лицомъ, съ характерной головой, съ которой можно было лѣпить статую апостола или писать икону. Прислушавшись, я понялъ, что старикъ разсказываетъ про какое-то бывшее ему видѣніе, въ которомъ Богъ послалъ его возвѣстить народнымъ представителямъ Свою волю. Рѣчь его была сумбурна, но всякій разъ, когда онъ возвращался къ своей миссіи и говорилъ о Богѣ, слова его покрывались дружнымъ смѣхомъ, а онъ кротко и терпѣливо, скорбя о смѣющихся господахъ, снова начиналъ свою повѣсть. Мнѣ было невыразимо грустно и больно наблюдать эту сцену, въ которой такъ ярко отразилась духовная трагедія новой Россіи, и я съ горечью отошелъ

и лишь издали долго видѣлъ благородную голову старика, старавшагося что-то разъяснить и убѣдить, и смѣющуюся толпу любопытныхъ. Впрочемъ, можетъ быть, я и не вполнѣ точно воспроизвожу эту сцену, но такъ я ее тогда воспринялъ. „Не строимъ ли мы Вавилонскую башню“, тихо сказалъ мнѣ бывшій здѣсь же католическій священникъ-депутатъ.

Я не обманываю себя и теперь, и тоже чувствую себя отчасти въ положеніи думскаго старика. Всякому, кто въ наши дни передъ русской интеллигенціей рискуетъ говорить не о текущихъ, главнымъ образомъ, политическихъ дѣлахъ, а объ общихъ цѣляхъ жизни и религіозномъ смыслѣ ея, и кто, подобно мнѣ, видитъ его только въ христіанской религіи, тому приходится заранѣе имѣть противъ себя безличнаго, но могущественнаго и въ высшей степени реальнаго противника въ *духѣ времени*. Атмосфера безрелигіозности вообще отличаетъ новое время, особенно конецъ XVIII и XIX вѣкъ. Отличительныя черты нашей эпохи въ этомъ отношеніи съ неподражаемой силой и сжатостью переданы нашимъ поэтомъ-философомъ Тютчевымъ въ стихотвореніи „Нашъ вѣкъ“:

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ.
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ
Невыносимое онъ днесь выноситъ...
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ,
Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ передъ закрытой дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему невѣрью“!

Конечно, при общей характеристикѣ эпохи нельзя не дѣлать различія между разными странами европейской культуры, нельзя не отмѣтить, напр., религіозности англо-саксонской расы, которая сохранилась и до нашихъ дней, причемъ она перенесена англосаксами и за океанъ, и въ Новую Зеландію, и въ С. Штаты. Еще въ самое новѣйшее время Англія переживала сильное религіозное движеніе, извѣстное подъ именемъ уэльскаго возрожденія (welsh revival), среди уэльскихъ углекоповъ, составляющихъ одну изъ наиболѣе крѣпкихъ рабочихъ организацій. Газеты приносили вѣсти о пѣніи гимновъ и богослуженіи подъ землей при необыкновенномъ религіозномъ возбужденіи среди населенія, такъ что невольно вспоминаются мучительно страстныя слова Митеньки Карамазова о гимнѣ изъ подъ земли. „И тогда мы, подземные человѣки, запоемъ изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и Его радость!“

Самое замѣчательное въ этой англо-саксонской религіозности это то, что она не является только простонародной, каково по преимуществу наше русское благочестіе, и не разсматривается англійской интеллигенціей какъ „религіозные предразсудки“. Проф. Шульце-Гевернитъ говоритъ въ своемъ новѣйшемъ трудѣ*), что „религія и до сихъ поръ есть нервъ англо-саксонской культуры“. „Внѣшніе факты,—продолжаетъ нѣмецкій экономистъ,—подтверждаютъ это континентальному туристу на каждомъ шагу. До сихъ поръ воскресенье кладетъ еще свою печать на всю страну. На-ряду съ духовенствомъ всюду выступаютъ свѣтскіе проповѣдники: врачи, юристы, вожаки рабочихъ не только въ закрытыхъ молельняхъ, но и по преимуществу на открытомъ воздухѣ, напр., въ паркахъ большихъ городовъ, въ которыхъ въ качествѣ каѳедръ употребляются экипажи или тумбы. Здѣсь ѣдетъ по странѣ миссіонерскій вагонъ, покрытый изреченіями изъ Библіи и дающій пріютъ странствующимъ проповѣдникамъ, тамъ сестры милосердія проникаютъ въ винныя лавки и берлоги преступниковъ, являясь носительницами „аггрессивнаго христіанства“. Мостовыя кишатъ солдатами „арміи спасенія“ и т. д. и т. д. Руководящіе умы націи, ея духовные вожди, раздѣляютъ въ большей или меньшей степени эту національную религіозность. Знаменитые государственные дѣятели Англіи Дизраэли (лордъ Биконсфильдъ) и Гладстонъ были ревностными христіанами и ежедневными читателями Библіи. Гладстонъ, перу котораго принадлежитъ сочиненіе „Незыблемая скала Священнаго Писанія“, какъ извѣстно, любилъ выступать проповѣдникомъ въ Гавардѣнѣ, и вообще высказывалъ такое убѣжденіе (въ письмахъ къ женѣ): „я убѣжденъ, что благополучіе человѣчества теперь не зависитъ отъ политики, дѣйствительная борьба ведется въ области мысли, въ которой происходитъ убійственная атака противъ величайшаго сокровища человѣчества, вѣры въ Бога и Евангеліе Христа“. И недавній премьеръ Англіи Артуръ Бальфуръ тоже написалъ книгу въ защиту христіанскаго ученія подъ заглавіемъ „Основы вѣры“. Мнѣ достаточно только напомнить далѣе имена Рескина и Карлейля, у которыхъ нельзя ничего понять, не принимая во вниманіе ихъ исключительной религіозности, такъ наз. христіанскихъ соціалистовъ: Кингсли, Людлоу, Морриса и др., вплоть до теперешняго лондонскаго епископа Ингрэма и т. д. и т. д. Конечно, нельзя сказать, чтобы и Англія осталась чужда тому разрушительному движенію, которое появилось въ новое время. Въ кузницѣ англійской мысли и науки были выкованы едва

*) *G. v. Schulze-Gävernitz*: „Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des swanzigsten Jahrhunderts“. Leipzig, 1906.

ли не злѣйшіе и не сильнѣйшіе аргументы противъ религіи. Гоббсъ и Юмъ, Бентамъ и по своему понятый Дарвинъ и Бэконъ вмѣстѣ съ другими мыслителями оказали свое вліяніе, но, можетъ быть, въ большей степени на континентѣ, нежели у себя дома. Тѣмъ не менѣе и въ Англіи тотъ духъ времени, о которомъ я сказалъ, начинаетъ чувствоваться все сильнѣе, но еще сильнѣе проявился онъ на европейскомъ континентѣ, особенно въ нѣкоторыхъ странахъ и въ отдѣльныя эпохи, напр., во Франціи во время великой французской революціи, да въ значительной степени и теперь, въ протестантской части Германіи и т. д. Но все же можно сказать, что ни въ одной странѣ въ Европѣ интеллигенція не знаетъ такого повальнаго массоваго индифферентизма къ религіи, какъ наша. Въ исторіи русской мысли сыздавна обозначились и борются до сихъ поръ два теченія: одно насчитываетъ на своей сторонѣ немногихъ представителей (разумѣемъ среди интеллигенціи), но зато въ этомъ числѣ цвѣтъ нашего національнаго ума и генія, предметъ нашей національной славы и гордости. Это тѣ, которые остались духовно съ народомъ въ его мужицкой церкви, и во всякомъ случаѣ не отдѣлялись отъ него въ его вѣрованіяхъ въ живого Бога. Въ числѣ этихъ немногихъ мы считаемъ: Жуковскаго, Пушкина, Тютчева, въ извѣстномъ смыслѣ Лермонтова, Гоголя, Хомякова, Кирѣевскаго, Чаадаева, Аксаковыхъ, В. Соловьева, Достоевскаго, Пирогова, А. Толстого, даже Некрасова и Льва Толстого, насколько онъ вообще стоитъ на религіозной почвѣ.

Противорелигіозное идейное теченіе, считающее въ своихъ рядахъ большинство прогрессивныхъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей отъ Бѣлинскаго до нашихъ дней, усвоило себѣ раціоналистически-атеистическое міровоззрѣніе, которое широкой волной разлилось и составляетъ господствующую вѣру русской интеллигенціи. Я не обмолвился: это невѣріе есть дѣйствительно вѣра, вѣра въ научность, раціонализмъ, въ невѣріе. Масса нашей интеллигенціи съ необыкновенной легкостью въ самый ранній періодъ развитія ума, въ отроческій или юношескій возрастъ принимаетъ догматику атеизма, усвояя ей предикатъ научности. Не разъ замѣчено, что предубѣжденіе больше удалено отъ истины, чѣмъ полное незнаніе. Относительно религіи у насъ существуетъ наслѣдственный предразсудокъ, что здѣсь нѣтъ даже вопроса, ибо наука и философія исключаютъ религію. Подобное мнѣніе можетъ объясняться только полнымъ незнакомствомъ съ научной и философской работой, которая кипѣла и кипитъ до настоящаго дня по вопросамъ исторіи и философіи религіи, ея догмы, культа съ неоконченными и по существу, понятно, безконечными спорами

объ этихъ вопросахъ. Повторяю, наше русское невѣріе обычно остается на уровнѣ слѣпой, наивной вѣры. Эту особенность русскаго духовнаго развитія, имѣющую свои историческія и бытовыя причины, съ обычной своей проницательностью указалъ Достоевскій, сдѣлавшій русскій, да и міровой атеизмъ какъ бы своей спеціальностью. Достоевскій влагаетъ въ уста князю Мышкину (въ „Идіотѣ“), своему alter ego, слѣдующую его характеристику: „атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ. И наши не просто становятся атеистами, а непремѣнно увѣруютъ въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ не замѣчая, что увѣровали въ нуль“ и, прибавляетъ Достоевскій, происходитъ это „не все вѣдь отъ однихъ скверныхъ, тщеславныхъ чувствъ, а и изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу“.

Много разъ задумываясь надъ двоящимся и доселе неразгаданнымъ и неопредѣлившимся обликомъ русской интеллигенціи, я обращался мыслью къ этому тезису о религіозной ея тоскѣ, о жаждѣ крѣпкаго берега, праведной жизни, новаго неба и новой земли. И если нельзя было иногда не усумниться въ правильности этой характеристики, то нельзя отъ нея и отказаться. И во второй Государственной Думѣ, въ раскаленной атмосферѣ политическихъ страстей, прислушиваясь и присматриваясь вокругъ себя и силясь разгадать подлинную природу русской интеллигенціи, иногда я ясно видѣлъ, какъ въ сущности далеко отъ политики въ собственномъ смыслѣ, т.-е. повседневной прозаической работы починки и смазки государственнаго механизма, отстоятъ эти люди. Это психологія не политиковъ, расчетливыхъ реалистовъ и постепеновцевъ, это нетерпѣливая экзальтированность людей, ждущихъ осуществленія Царствія Божія на землѣ, Новаго Іерусалима чуть ли не завтра. Невольно вспоминаются анабаптисты и многіе другіе коммунистическіе сектанты средневѣковья, апокалиптики и хиліасты, ждавшіе скораго наступленія тысячелѣтнаго царства Христова и расчищавшіе для него дорогу мечомъ, народнымъ возстаніемъ, коммунистическими экспериментами, крестьянскими войнами, вспоминается Іоаннъ Лейденскій со свитой пророковъ и остальныхъ осажденныхъ въ Мюнстерѣ... Конечно, сходство это касается лишь психологіи, а не идей. Въ области же идейной, хорошо это или плохо, счастье или несчастье для насъ, но Россія отражаетъ идеи и настроенія вѣка рѣшительнѣе и прямолинейнѣе, чѣмъ даже Западъ, отражаетъ на себѣ и ту міровую духовную драму богоборчества и богоотступленія, составляющую нервъ новой исторіи, передъ чѣмъ блѣднѣютъ и отступаютъ на задній планъ всѣ великіе политическіе и соціа-

альные интересы, вздымающіе волны и рябь на груди историческаго моря.

Въ чемъ же тутъ борьба и почему это драма? Духовная борьба, составляющая основную тему и основное содержаніе новой исторіи, начиная съ ренессанса и особенно явственно съ XVIII вѣка, опредѣляется усиліями культурнаго человѣчества „устроиться безъ Бога навсегда и окончательно", какъ выразился Достоевскій, или „умертвить Бога", какъ еще смѣлѣе выразился одинъ изъ яростнѣйшихъ богоубійцъ Ницше, свести жизнь исключительно къ имманетному безъ всякой связи съ трансцедентнымъ, выражаясь языкомъ философіи, лишить землю неба, не коперниковскаго, холоднаго, астрономическаго неба, но Моисеева, библейскаго или хотя бы даже Кантовскаго неба, престола Божія. Въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ интимной жизни, во внѣшнемъ ея устроеніи, въ наукѣ, въ философіи идетъ эта борьба, столь ясно предуказанная въ Евангеліи и Апокалипсисѣ, и величайшія усилія употребляются, употреблялись и будутъ употребляться какъ для того, чтобы подорвать, такъ и чтобы оправдать права религіозной вѣры. Въ этомъ смыслѣ наша историческая эпоха не имѣетъ равной въ исторіи, ибо всегда были отдѣльныя антирелигіозныя теченія и явленія религіознаго упадка, но не было такого сознательнаго и убѣжденнаго, такого фанатическаго и непримиримаго стремленія свести человѣка на землю и опустошить небо. Если бы нужно было выразить духовную сущность нашей эпохи въ художественномъ образѣ, въ картинѣ или трагической мистеріи, то эту картину или мистерію слѣдовало бы назвать: „Похороны Бога", или самоубійство человѣчества. И въ этихъ образахъ слѣдовало бы со всей силой и наглядностью показать, на что покушается человѣчество, и что оно надъ собой дѣлаетъ, что теряетъ каждый изъ насъ, во что онъ превращается. Какъ бы ни размѣщались фигуры на этомъ фантастическомъ полотнѣ, но одно несомнѣнно, что общее содержаніе его не идиллія или пастораль, изображающая тріумфъ науки и знанія, и не мѣщанская комедія, въ которой въ концѣ-концовъ всѣ препятствія преодолѣваются, и дѣло кончается веселой свадьбой жениха-человѣчества съ невѣстой-государствомъ или обществомъ будущаго, но серьезная, мучительная трагедія.

Почему же это такая трагедія, почему эти похороны Бога неизбѣжно обращаются въ похороны самихъ похоронщиковъ? Да потому, что, хороня Бога въ своемъ сознаніи, они вынуждаются хоронить и божественное въ своей душѣ, а божественное есть дѣйствительная, реальная природа человѣческой души. Можно думать о себѣ какъ угодно, считать себя человѣковидной обезьяной, рефлексомъ экономическихъ отношеній, автома-

тической машиной, кускомъ матеріи, въ силу механической необходимости одаренной сознаніемъ—все это высказывается и высказывалось о человѣкѣ,—но отъ этихъ мнѣній онъ не перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть, чѣмъ сдѣлали его „руки, сотворившія и создавшія его“ и надѣлившія его запросами и свойствами высшей духовной природы. Можно убѣждать человѣка голоднаго, что онъ сытъ, и даже настолько оглушить логикой аргументовъ, что онъ сочтетъ себя обязаннымъ постараться этому повѣрить, но онъ будетъ мучиться голодомъ, испытывать безпокойство; можно увѣрять себя и другихъ, что дикіе рожки, которыми питался блудный сынъ на чужбинѣ, не хуже, а лучше тельца, уготованнаго для него у отца, но и это не успокоитъ, не дастъ мира душѣ, не примиритъ ее ни съ собой, ни съ жизнью. Ибо „*tu nos fecisti ad te, cor nostrum inquietum est, donec requiescat in te*“, какъ восклицаетъ въ своей „Исповѣди“ блаженный Августинъ. Человѣкъ рожденъ для вѣчности и слышитъ въ себѣ голосъ вѣчности, онъ слышитъ его тонкимъ ухомъ своихъ величайшихъ мыслителей, ученыхъ и поэтовъ, своихъ чистыхъ сердцемъ праведниковъ, творческимъ геніемъ своихъ художниковъ. Жить во времени для вѣчности, переживать въ относительномъ абсолютное и стремиться дальше всякой данности, дальше всякаго даннаго содержанія сознанія, excelsior, всегда excelsior, къ этому призванъ человѣкъ, и это стремленіе excelsior само говоритъ о Томъ, Кто живетъ in excelsis, есть живое богооткровеніе въ насъ. Самъ для себя человѣкъ потому и не можетъ стать абсолютнымъ, самодовлѣющимъ, что онъ никогда не удовлетворится собой, своимъ даннымъ состояніемъ, если только не ниспадетъ въ низменную животность и не уподобится въ дѣйствительности неосмысленной твари. Но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ сознаетъ въ себѣ эту силу и эту волю вмѣщать абсолютное содержаніе, расти и расширяться, становясь живымъ образомъ абсолютнаго, образомъ и подобіемъ Божіимъ. Эта незаглушимая жажда высшаго содержанія жизни рождала и рождаетъ религіозную вѣру. „Многое на землѣ отъ насъ скрыто, (говоритъ Зосима у Достоевскаго), но взамѣнъ того даровано намъ тайное, сокровенное ощущеніе живой нашей связи съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, но въ мірахъ иныхъ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ здѣсь на землѣ и взрастилъ садъ свой, но взращенное живо и живетъ лишь чувствами соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ, возненавидишь ее“. Такъ Люциферъ у Байрона, обогативъ Канна множествомъ

ненужныхъ ему и мертвыхъ знаній, но тонкой клеветой отвративъ его отъ прежней вѣры, приводитъ его лишь къ сознанію, что онъ—ничто. И подтверждаетъ:

И это будетъ разумъ
Всѣхъ знаній человѣческихъ,—предѣлъ
Всей мудрости, доступной вамъ:
Что вы ничто съ своей природой смертной.
Ты завѣщай науку эту дѣтямъ.

Сестра — жена его Ада говоритъ ему, когда слышитъ отъ него сужденіе Люцифера: „намъ Егова не говоритъ такъ“. Нашей эпохѣ свойственна чрезвычайно высокая оцѣнка своихъ умственныхъ завоеваній, многимъ изъ нашихъ современниковъ представляется, что настоящая жизнь человѣчества начинается только теперь, а вся предыдущая исторія есть прологъ или тьма дикости и варварства. Этотъ своеобразный историческій каннибализмъ, какъ выразился когда-то Герценъ, въ нашихъ глазахъ совсѣмъ не имѣетъ основаній. Про наше время нельзя не повторить діалога Люцифера съ Каиномъ, когда послѣдній спрашиваетъ Люцифера: „Вы счастливы? Нѣтъ, мы могучи. Вы счастливы? Нѣтъ“. И нашъ вѣкъ болѣе могучъ, чѣмъ счастливъ. Представляя безпримѣрное богатство въ благахъ внѣшней, преимущественно матеріальной, но также и духовной культуры, въ самомъ существенномъ,—въ душевной силѣ, свѣжести и вѣрѣ, не богаче, но бѣднѣе предыдущихъ, и эта бѣдность рельефно выступаетъ именно на фонѣ этого оглушительнаго прогресса.

Упразднивъ религію Бога, человѣчество старается изобрѣсти новую религію, причемъ ищетъ божествъ для нея въ себѣ и кругомъ себя, внутри и внѣ; пробуются поочередно: религія разума (культъ разума во время великой французской революціи), религія человѣчества Конта и Фейербаха, религія соціализма, религія чистой человѣчности, религія сверхчеловѣка въ новое время съ перспективой религіи сверхчеловѣка и т. д. Въ душѣ человѣчества, теряющаго Бога, должна непремѣнно образоваться страшная пустота, ибо оно можетъ принять ту или иную доктрину, но не можетъ заглушить въ себѣ голоса вѣчности, жажду абсолютнаго содержанія жизни. И погасивъ солнце, оно стремится удержать свѣтъ и тепло, дѣлаетъ судорожныя усилія къ тому, чтобы спасти и удержать божественное и заполнить пустоту новыми богами, но зыбкая почва проваливается подъ ногами, и духовная атмосфера становится все напряженнѣе и тяжелѣе. Въ высшей степени трогательна эта борьба человѣчества за духовное свое существованіе и мучительныя усилія искать твердую почву то тамъ, то здѣсь.

Въ дѣяніяхъ апостольскихъ есть приснопамятный разсказъ о проповѣди ап. Павла въ Аѳинахъ, этомъ Парижѣ древняго міра, средоточіи наукъ и искусствъ, философовъ, ученыхъ и художниковъ. Этотъ городъ былъ полонъ идоловъ, какъ и наша культура, такъ что и великій апостолъ „возмутился духомъ". При видѣ ихъ, однако, онъ усмотрѣлъ среди этихъ алтарей жертвенникъ съ надписью „невѣдомому Богу", который и послужилъ внѣшней темой его проповѣди. Слѣдуетъ искать, по примѣру апостола, такого жертвенника и въ современныхъ Аѳинахъ, и, конечно, можно найти его и здѣсь, и подъ покровомъ отрицательныхъ словъ и разрушительныхъ идей усмотрѣть тлѣющую искру вѣры и благочестивый жертвенникъ. Если спросить себя, чѣмъ живетъ современный человѣкъ, во что онъ увѣровалъ вмѣсто Бога, ну хотя если спросить средняго русскаго студента или взрослаго гимназиста изъ „сознательныхъ", то, конечно, онъ тотчасъ отвѣтитъ: хочу приносить пользу человѣчеству, затѣмъ подумавъ прибавитъ: выработавъ себѣ научное міровоззрѣніе. Вѣра въ прогрессъ, въ науку, въ возможность разрѣшить всѣ жизненныя противорѣчія въ историческомъ развитіи науки и человѣчества составляетъ несложный катехизисъ современнаго человѣка. Это — общее, а затѣмъ начинаются частности, различія, выражаемыя обыкновенно буквами латинскаго алфавита въ извѣстныхъ парныхъ сочетаніяхъ. Въ основу его положенъ догматъ вѣры въ разумъ, веселіе науки. Однако совмѣстима ли эта вѣра въ разумъ съ общимъ ученіемъ о человѣкѣ, какъ двуногомъ животномъ, которое въ силу случайности, игры матеріальныхъ атомовъ и борьбы за существованіе достигло теперешняго состоянія, а въ будущемъ имѣетъ достигнуть еще большаго? Откуда у этого „ощипаннаго пѣтуха", какъ опредѣлилъ человѣка философскій нигилистъ-циникъ Діогенъ, берется разумъ и наука, и на чемъ опирается такая вѣра въ нихъ? Что есть истина, которую хочетъ познавать наука?

Этотъ Пилатовскій вопросъ, обращенный къ Тому, Кто сказалъ о Себѣ: „Я путь, истина и жизнь", къ самому Божественному Логосу, звучитъ на всю исторію человѣчества и не находитъ отвѣта иначе, какъ въ связи съ религіозной вѣрой. Какъ возможна наука и знаніе законовъ міра? Вотъ вопросъ, поставленный человѣчеству критической философіей въ лицѣ Канта. Какъ и почему комочекъ матеріи, хотя и извѣстнымъ образомъ организованный, можетъ познавать вселенную, воспроизводя ее въ себѣ идеально? Что это за таинственная сила идеальной репродукціи? Иногда отмахиваются отъ этихъ вопросовъ ссылкой на завоеванія науки: да развѣ современная техника не свидѣтельствуетъ о силѣ ума и знанія!

Но отвѣчать такъ значитъ неизвѣстное подтверждать неизвѣстнымъ, только отодвигать проблему, и не требуетъ ли въ такомъ случаѣ уже самый этотъ фактъ объясненія? Органъ познанія—головной мозгъ съ нервной системой и функція познанія настолько несоизмѣримы и несоотвѣтственны между собой, что говорить о познаніи мозгомъ и нервами міра и его законовъ значитъ впадать не только въ мистическую, но прямо миѳологическую безсмыслицу или же утверждать громовое чудо, котораго вообще не допускаютъ представители новѣйшей науки. Одно изъ двухъ: или человѣкъ дѣйствительно есть такое ничтожество, комъ грязи, какимъ его изображаетъ матеріалистическая философія, но тогда непонятны эти притязанія на разумъ, науку; или же человѣкъ есть богоподобное существо, сынъ вѣчности, носитель божественнаго духа, и возможность всякаго и въ томъ числѣ и научнаго познанія объясняется именно этой природой человѣка. Другими словами, это значитъ, что достоинство науки и ея права не ограничиваются, а только утверждаются религіознымъ ученіемъ о человѣкѣ, а вмѣстѣ съ устраненіемъ послѣдняго подрывается и первое. Наука принципіально опирается на религію, а не противорѣчитъ ей, какъ это страннымъ образомъ сложилось въ современныхъ представленіяхъ. Разсматривая же разумъ и науку, какъ продуктъ и орудіе борьбы за существованіе, при свѣтѣ своеобразно понятаго дарвинизма, мы должны окончательно развѣнчать ихъ. Если сила и значеніе научной истины только въ полезности, какъ говорятъ дарвинисты въ біологіи, а въ новое время и въ гносеологіи, то откуда взяли, что истина всегда полезна и что не полезнѣе иногда, а можетъ быть, и всегда заблужденіе? Это сомнѣніе, высказанное Ницше и повторенное въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по теоріи познанія, нечѣмъ обезсилить. „Нѣтъ ничего болѣе нездороваго, чѣмъ мышленіе“, — вырвалось у О. Уайльда; вслѣдъ за греческими софистами онъ вмѣстѣ съ другими модернистами считаетъ возможнымъ „все доказывать“, ничего не считая истиной, подсмѣиваясь надъ тяжеловѣснымъ благочестивымъ отношеніемъ къ наукѣ. Наукѣ приставляютъ къ горлу ножъ, ею же отточенный, надвигается кризисъ научнаго и философскаго сознанія, сходный съ кризисомъ пережитымъ античнымъ міромъ, и не придется ли еще наукѣ искать опоры у гонимой ею теперь религіи? Назрѣвающій кризисъ науки, софистико-пилатовскій скептицизмъ, быть можетъ, яснѣе установитъ дѣйствительное отношеніе между религіей и наукой, которое сознавалось и всегда великими учеными и мыслителями, но не понималось полунаукой. Наука сама основывается на вѣрѣ въ разумъ, въ единство разумнаго начала въ микрокосмѣ и макрокосмѣ, на религіоз-

номъ и благочестивомъ признаніи цѣнности истины и любви къ ней.

Въ новое время часто раздаются голоса о кризисѣ и даже о банкротствѣ науки, причемъ иногда эти утвержденія выставляются въ защиту вѣры. Я въ одинаковой степени и для научнаго дѣятеля, и для религіознаго философа считаю эти сѣтованія немотивированными и вижу въ нихъ родъ недоразумѣнія. Наука жива и здорова, и, конечно, будетъ жить и здравствовать. Ей нашъ привѣтъ: Vivat, crescat, floreat! Подъ кризисомъ науки разумѣется обыкновенно утрата ею совершенно не принадлежащей ей компетенціи, тѣхъ универсалистическихъ притязаній, которыя ей приписываются лишь тѣми, кто хотѣлъ религіозную вѣру замѣнить наукой. Задачи и значеніе науки вполнѣ относительны и ограничены: она имѣетъ дѣло съ опредѣленнымъ (логически или философски) кругомъ проблемъ опытнаго (въ Кантовскомъ смыслѣ) знанія, причемъ она способна къ безконечному прогрессу по самой своей идеѣ; горизонтъ постоянно отходитъ передъ нею, новое знаніе раздвигаетъ шире область незнанія, но островъ знанія попрежнему окруженъ моремъ тайны и вѣчности, по слову поэта:

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Такъ наша жизнь кругомъ объята снами,
Настанетъ ночь и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.
То гласъ ея: онъ будитъ насъ и проситъ.
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ.
Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ вышины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Такимъ челномъ, окруженнымъ „пылающей бездной“, несущимся по стихіи тайны, чувствуетъ себя строгая наука, и этимъ чувствомъ питается религіозная вѣра великихъ ученыхъ. Передъ послѣдними вопросами жизни и смерти, добра и зла, цѣли міра наука критическая, понимающая себя наука стоитъ безотвѣтно теперь, какъ будетъ стоять и всегда.

Заслуживаетъ вниманія еще и то обстоятельство, что наука, какъ конкретное цѣлое, существуетъ лишь въ видѣ совокупности наукъ, безпрерывно разрастающихся научныхъ спеціальностей. Это машина, составленная изъ великаго множества колесъ или частей. Цѣлое знанія, міровой разумъ или книга природы открывается человѣчеству лишь въ его исторіи, и конкретно каждая индивидуальность, какъ бы велика ни была ея умственная сила, прочитываетъ въ этой книгѣ только стра-

ницы или строки. Поэтому предположеніе, что наука дѣйствительно разрѣшаетъ всѣ вопросы, можетъ быть основано практически только на суммарной вѣрѣ въ силу науки вообще, въ научный методъ, въ научный разумъ, но эта вѣра опытной повѣрки не допускаетъ: проживите вы не одну, а 10 или 100 человѣческихъ жизней, посвящая все свое время только пассивному усвоенію того, что наука накопила, и тогда вы не усвоите всего. Слѣдовательно, говорить или думать о постройкѣ цѣлостнаго научнаго міровоззрѣнія, изъ котораго вовсе исключена была бы вѣра, невозможно.

Итакъ, наука не въ состояніи ни замѣнить, ни упразднить религіозной вѣры, ни даже не можетъ сама защитить свое существованіе противъ набѣговъ безшабашнаго скептицизма безъ молчаливаго или открытаго признанія религіозныхъ предпосылокъ, именно вѣры въ объективный разумъ.

Сказаннымъ я хотѣлъ опредѣлить только самыя принципіальныя и самыя существенныя отношенія науки и религіи, какъ отношенія солидарности, соподчиненности. Въ частностяхъ же отдѣльныя ученія науки, касающіяся вопросовъ, то или иное рѣшеніе которыхъ не безразлично и для религіи, конечно, могутъ входить во временный конфликтъ съ тѣми или иными религіозными ученіями. Развитіе науки представляетъ безконечное количество такихъ примѣровъ, хотя оно же представляетъ и немало примѣровъ разъясненія или устраненія этихъ конфликтовъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ науки.. Работать надъ выясненіемъ этихъ вопросовъ есть уже дѣло религіозной мысли, которая поэтому вовсе не представляетъ изъ себя догматическую и покойную подушку подъ головой, но должна находиться въ постоянномъ напряженіи, и, очевидно, сколь безостановочно развитіе науки, столь же неустанно должна работать и апологетическая мысль, оберегая сокровищницу вѣры. Таковы общія отношенія науки и религіи.

Но если даже наука съ своей тяжелой артиллеріей остается беззащитной противъ ядовитаго жала скептицизма, то тѣмъ беззащитнѣе оказываются современные суррогаты религіи, въ которыхъ роль божества отводится человѣчеству, и основной догматъ которыхъ состоитъ въ ученіи о прогрессѣ. Мнѣ лично приходилось уже много говорить и писать на эту тему *), и потому я буду кратокъ. Здѣсь мы попадаемъ въ цѣлый лабиринтъ противорѣчій и трудности. Ихъ легче вскрыть, если сопоставить съ основными чертами христіанскаго ученія о чело-

*) Ср. сборникъ статей: „Отъ марксизма къ идеализму“, далѣе „Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха“. М., 1906 г. Изд. „Свободная Совѣсть“. „К. Марксъ, какъ религіозный типъ“. 1907 г. Изд. Д. Е. Жуковскаго и др.

вѣкѣ. Согласно христіанской вѣрѣ человѣку принадлежитъ нравственная свобода хотѣнія добра и зла, причемъ нравственная жизнь и состоитъ въ склоненіи воли отъ зла къ добру. Этой борьбой и ея подвигомъ, аскезой, совершается возрожденіе личности при помощи свыше. Передъ человѣкомъ стоитъ абсолютный идеалъ самосовершенствованія: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“, и „Богъ есть любовь“. Христіанскій подвигъ есть потому подвигъ любви и непрерывнаго самоотверженія. Человѣкъ не можетъ ни мыслить, ни чувствовать себя въ разрывѣ или отъединеніи съ своимъ ближнимъ: человѣчество, спасающееся во Христѣ и Христомъ, для него есть живое единство, тѣло, коего онъ членъ. Потому любовь къ Богу и любовь къ ближнему и находится въ христіанствѣ въ такой неразрывной связи между собою. Эта задача не превышаетъ того, что доступно возрожденному человѣку, ибо онъ носитъ образъ Божій, печать божественной любви. „Образъ есмь неизреченныя Твоея славы аще и язвы ношу прегрѣшеній“, какъ поется въ величественныхъ погребальныхъ пѣснопѣніяхъ и передъ лицомъ открытаго гроба и разлагающагося въ немъ трупа: смерть въ силахъ только временно исказить этотъ образъ, но не можетъ навсегда его уничтожить. Мнѣ приходилось уже отмѣчать въ печати *), какъ близко, хотя и робко, приближается къ христіанской вѣрѣ въ всеобщее воскресеніе основная научная идея нашего вѣка эволюціи и прогресса, но сейчасъ я не буду на этомъ останавливаться. Укажу только, что въ качествѣ разрѣшенія міровой драмы христіанствомъ обѣщается дѣйствительное сохраненіе всѣхъ цѣнностей и возстановленіе человѣчества для новой, вѣчной жизни. Человѣкъ, стало быть, здѣсь не самозванный человѣкобогъ, но дѣйствительно обоженная тварь, богъ по благодати. Можно ли больше возвеличить человѣка? Недаромъ въ обрядѣ православнаго богослуженія введено кажденіе не только иконамъ, но и молящимся, которые приравниваются иконамъ. И дѣйствительно, если человѣкъ почтенъ образомъ Божіимъ, какъ бы ни искажалъ онъ его въ себѣ, развѣ онъ не есть живая икона, живой образъ?

Современное міровоззрѣніе отвергло всю религіозную основу этого ученія, вытравило вездѣ божественную вѣру, но удержало тѣ его стороны, которыя непосредственно относятся къ человѣку: удержало любовь къ ближнему, обозвавъ ее альтруизмомъ, вѣру въ божественность человѣка, произведя его въ человѣко-бога, вѣру въ спасеніе человѣчества, настаивая на ученіи

*) „Воскресеніе Христа и современное сознаніе“ (въ журналѣ *Вѣкъ*, 1907 г.).

о прогрессѣ. Удалены, казалось бы, лишь религіозныя суевѣрія, осталось же все существенное, по крайней мѣрѣ, для современности; особенно ревностно, тщательно и послѣдовательно производилъ эту операцію Фейербахъ, имѣвшій огромное, опредѣляющее значеніе (вмѣстѣ съ Контомъ) на міровоззрѣніе широкихъ круговъ европейскаго общества въ XIX вѣкѣ. Но не рушится ли безъ фундамента и постройка, не ползетъ ли почва изъ-подъ ногъ современнаго человѣчества, не ускользаетъ ли изъ рукъ, какъ блѣдный призракъ, какъ духъ земли, явившійся Фаусту, это человѣчество, когда мы хотимъ обнять его? Есть много признаковъ, что это такъ, и много причинъ, почему это иначе быть и не можетъ.

Человѣку внушается, что онъ есть высшее въ мірѣ, что онъ автономенъ, что онъ прекрасенъ, что онъ разуменъ, самодовлѣющъ, что онъ богъ, если не въ единичности и обособленности своей, то въ своемъ цѣломъ, вмѣстѣ съ другими. Но Богу свойственна жизнь, а этотъ богъ есть разлагающійся трупъ, дни его и годы есть постепенное умираніе, приближеніе къ могилѣ, въ которой, какъ извѣстно, „и генія черепъ наслѣдье червей". Когда Платонъ схоронилъ своего Сократа, божественнаго мужа, бывшаго для него свѣтомъ жизни, какимъ кладбищемъ сталъ для него этотъ міръ, и не становится ли онъ такимъ кладбищемъ для каждаго изъ насъ раньше или позже. Теперь, когда столько жизней отдается ради вѣрно или невѣрно понятыхъ идей, не становится ли это противорѣчіе особенно жгучимъ, мучительнымъ! Можно вѣдь силой закаленной воли подавлять въ себѣ эти чувства или привычкой дисциплины оставаться въ строю, когда подаютъ кругомъ близкіе и дорогіе, но переспилить боль напряженіемъ воли, стиснувъ челюсти, не значитъ побѣдить ее. Смерть вноситъ такой диссонансъ въ міръ, который не можетъ не слышать и глухой; отсюда и постоянная борьба со страхомъ смерти то Мечниковской прививкой, то слабыми утѣшеніями à la Фейербахъ, потому и проповѣдь христіанской вѣры и радости есть прежде всего благая вѣсть о воскресеніи и вѣчной жизни.

Итакъ, смертенъ богъ въ отдѣльности, смертенъ и въ цѣломъ, поколѣніе за поколѣніемъ неспѣшной чередой тянутся въ могилу, оставляя всѣ дѣла и всѣ заботы. И насъ хотятъ увѣрить, что служеніе этимъ дѣламъ и этимъ заботамъ саморади себя способно не только наполнить, но и осмыслить жизнь. Эта религія человѣчества есть какая-то кладбищенская философія; неудивительно, что она все больше теряетъ кредитъ, уступая мѣсто культу гордаго, обособленнаго *я*, въ свою очередь раскалывающемуся на отдѣльныя переживанія, и, въ концѣ-концовъ, культу этихъ переживаній! Зачѣмъ мнѣ искать ка-

кого-то кумира внѣ себя, въ другомъ, въ такомъ же, какъ я, или хуже меня, вообще въ толпѣ, во многихъ (Viel zu Viele), когда я самъ себѣ довлѣю и самъ себѣ могу поклоняться, когда я „единственный“ (der Einzige)? Зачѣмъ святыня, зачѣмъ добро и зло, когда можно стать и выше—точнѣе, внѣ этого различія. Оставимъ мораль попамъ и филистерамъ, перестанемъ быть колпаками, станемъ свободными личностями. Независимый живетъ въ свободѣ абсолютной пустоты, повелительнаго своеволія момента. Почему обязательна и послѣдовательность, зачѣмъ даже внутреннее единство личности, логика настроеній, когда вѣдь есть только отдѣльныя, разорванныя переживанія! Умѣй проложить себѣ дорогу, умѣй устроиться, и горе погибающимъ! Этотъ декадансъ личности, чахотка современной эпохи лучше всего отражается въ беллетристикѣ и популярно-философской литературѣ.

Нигилистическій индивидуализмъ, къ которому приводитъ наша культура, подобно и античной, составляетъ самое серьезное явленіе духовной жизни современности. Въ борьбѣ съ индивидуализмомъ изощряютъ всѣ свои усилія и общественники, чтобы какъ-нибудь сплотить разсыпающееся, атомизирующееся человѣчество господствомъ сплоченнаго большинства, анархическій индивидуализмъ обуздать соціалистической муштрой. Но какія же орудія для этого сплоченія имѣются, чѣмъ побѣждается разлагающій ядъ индивидуализма?

Съ того времени, какъ отвергнута была религіозная санкція морали, Божья заповѣдь, какъ нравственная норма, передъ сознаніемъ сталъ вопросъ о морали, о добрѣ и злѣ, и о долгѣ, какъ ея основѣ. Поскольку философія въ лицѣ Канта и его школы дѣлала и дѣлаетъ отчаянныя усилія спасти мораль долга, надъ чѣмъ изощряетъ свою логику въ настоящее время и нѣмецкій идеализмъ, она приходитъ къ религіи какъ необходимой предпосылкѣ нравственности. Въ системѣ Канта практическій разумъ приводитъ къ постулатамъ бытія Бога и безсмертія души, то-есть какъ религіозной опорѣ. Напротивъ, въ тѣхъ міровоззрѣніяхъ, которыя лишены всякой религіозной окраски, проблема морали принимаетъ характеръ совершенно безнадежный: мораль приходитъ къ самоупраздненію, отвергая идею долга и замѣняя ее идеей интереса, личнаго или группового, инстинктомъ звѣринаго самосохраненія. Подобно тому какъ въ медицинѣ развитіе литературы объ извѣстной болѣзни есть лучшее свидѣтельство ея распространенности и серьезности, такъ и кризисъ морали въ новое время, какъ и въ эпоху античнаго декаданса, вызываетъ необыкновенное развитіе нравственной философіи и соотвѣтственной литературы: каждый изобрѣтаетъ свою мораль, доказывая ее по-своему. Съ наибольшей

остротой этотъ кризисъ выражается въ аморализмѣ Ницше, который былъ предсказанъ Достоевскимъ въ его краткой, но безукоризненной формулѣ: „если нѣтъ безсмертія, то все полезно".

Въ острой и радикальной, непримиримой формѣ защиту личнаго своеволія, полной суверенности каждаго *я*, крайняго индивидуализма въ 40-хъ годахъ защищалъ Штирнеръ, позднѣе къ нему приближается и Бакунинъ. Штирнеръ разбилъ альтруистическую идиллію Фейербаха, который, уничтожая христіанство, удерживалъ любовь къ ближнему, то желаніе „приносить пользу", которое, какъ я упоминалъ уже, имѣется у каждаго добраго студента. Штирнеръ указалъ, что Фейербахъ (какъ и Контъ) заимствовалъ это у того самаго христіанства, которое уничтожалъ, назвалъ его „благочестивымъ попомъ" и вообще совершенно неоспоримо показалъ всю непослѣдовательность Фейербаха, какъ и настоящихъ и будущихъ его сторонниковъ*). Но рядомъ съ моралью любви и симпатіи, которой не повезло, очень рано выступило ученіе объ интересѣ, т.-е. о личномъ своекорыстіи, какъ основаніи поведенія, причемъ доказывалось, что оно требуетъ и благосостоянія другихъ и не останавливается предъ жертвами ради его, вплоть даже до жертвы жизнью. Основоположникомъ утилитарной морали былъ, какъ извѣстно, Бентамъ, и идеи Бентама въ осложненномъ видѣ имѣютъ большую силу и теперь въ марксизмѣ (хотя Марксъ и бранитъ Бентама). Словесно можно связывать многое, и пока человѣчество понимаетъ подъ личнымъ интересомъ служеніе ближнему, значитъ, оно не растратило еще всего своего христіанскаго наслѣдства; однако позволительно сомнѣваться, чтобы будущія поколѣнія, вскормленныя молокомъ личнаго интереса, оказались въ силахъ переработать его въ горячую кровь симпатіи къ ближнему. Дж. Ст. Милль, одинъ изъ искреннѣйшихъ представителей утилитаризма, какъ извѣстно, разсказываетъ въ своей автобіографіи, какъ онъ въ одно прекрасное утро спросилъ себя: имѣетъ ли для него дѣйствительно такое значеніе, если бы всечеловѣческое счастье осуществилось въ требуемыхъ доктриной размѣрахъ, и онъ имѣлъ честность и мужество отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ отрицательно, и тогда у него начался описываемый имъ душевный кризисъ, который едва не привелъ его къ самоубійству. Если гуманистическій альтруизмъ Конта и Фейербаха пытается спасти человѣчество, какъ цѣлое, какъ единство, удерживая еще то понятіе о немъ, которое даетъ только христіанство, то утилитаризмъ всякаго рода раздробляетъ это тѣло на атомы, атомизируетъ человѣчество. Я и мой инте-

*) Этотъ знаменитый эпизодъ исторіи мысли разсказанъ мною въ упомянутомъ этюдѣ о Фейербахѣ („Т. Фейербахъ и религія человѣчества").

ресъ, съ которымъ могутъ не совпадать или совпадать интересы ближнихъ, представляющихъ лишь средства для меня, вотъ то остріе ножа, на которое поставлена здѣсь человѣческая мораль. Не лучше, когда этотъ индивидуальный бентамизмъ замѣняется бентамизмомъ соціальнымъ или классовымъ. Въ общую алгебраическую формулу дѣлаются лишь частныя подстановки. Именно установляется, что въ извѣстныхъ случаяхъ интересъ значительнаго числа лицъ, поставленныхъ въ одинаковое положеніе, оказывается тожественнымъ. Стало быть, преслѣдованіе групповаго или классоваго интереса, пока существуетъ эта общность интересовъ лицъ данной группы, оказывается наиболѣе раціональнымъ, выгоднымъ и желательнымъ. Человѣчество разсѣкается вдоль и поперекъ на нѣсколько слоевъ, и сознаніе обще-человѣческаго единства, отношеніе человѣка просто какъ къ человѣку, а не какъ къ представителю класса и партіи, все болѣе утрачивается. Несмотря на многочисленные внѣшніе союзы и соединенія, люди становятся все болѣе и болѣе чужими другъ другу. Воцаряется холодъ взаимнаго отъединенія, того „одиночества“, страстный вопль отъ котораго издавалъ Мопассанъ, и вопль этотъ громко раздается въ литературѣ и жизни. Ибо на интересъ можно разъединить, но нельзя соединить человѣчество, соединяется же оно только общей вѣрой и общей любовью, сознаніемъ не своего различія, но своего существеннаго сродства, своего равенства и братства въ Богѣ Конечно, житейская борьба и несогласія остаются неизбѣжнымъ спутникомъ нашей жизни, но большое значеніе имѣетъ то настроеніе, съ которымъ они переживаются, остается неуничтожимой разница, борются ли братья или прирожденные враги. Между тѣмъ атмосфера тяжелаго человѣконенавистничества, въ которой допустимы всякіе способы борьбы, налегла на нашу гуманную и гуманистическую эпоху.

Но насъ увѣряютъ, что это ненадолго, что близится золотой вѣкъ не только свободы и равенства, но и братства; на чемъ же опираются эти радужныя надежды: на духовномъ переворотѣ, на возрожденіи личности, на новой вѣрѣ? Нѣтъ, говорятъ намъ, это произойдетъ въ силу исторической, по преимуществу экономической необходимости. Объ этомъ говоритъ экономическая наука, это предсказываетъ соціологія. Позвольте мнѣ съ своей стороны замѣтить, что наука, оставаясь наукой и обладая присущей ей осторожностью и скромностью, вовсе не предсказываетъ такихъ вещей, объ этомъ говоритъ вѣра, а не наука. Во-первыхъ, самая способность соціальной науки дѣлать предсказанія вообще многими, въ томъ числѣ и мною, не безъ основанія оспаривается, и именно новѣйшія логическія изслѣдованія о природѣ соціальной науки (назову Риккерта) какъ разъ

приводятъ къ этой оцѣнкѣ; во-вторыхъ же, и это самое главное, если экономическая наука и можетъ еще кой-что предусмотрѣть о характерѣ экономическаго строя въ ближайшую эпоху, то вѣдь этимъ ничего еще не сказано о томъ, какова будетъ духовная жизнь этой эпохи, какова будетъ человѣческая личность. Вѣдь повѣрить, что экономическая реформа есть необходимо и духовное возрожденіе, можно только принявъ предварительно такое ученіе о человѣкѣ, по которому онъ „есть только то, что ѣстъ“, есть вполнѣ рефлексъ экономической обстановки, или есть всецѣло продуктъ своего классоваго положенія. Да и при принятіи всѣхъ этихъ непріемлемыхъ положеній остается еще вопросъ, какія именно перемѣны въ психологіи, въ чувствованіяхъ, въ самооцѣнкѣ вызоветъ перемѣна экономической обстановки, и будетъ ли эта перемѣна именно такова и совершится въ томъ направленіи, какъ это представляютъ себѣ теперь. Позволительно думать, что человѣческая личность, хотя и зависитъ отъ ѣды, экономической обстановки, вообще условій своей матеріальной жизни, но есть прежде всего то, во что она вѣритъ, чѣмъ живетъ, чего хочетъ, что чтитъ; исходя же изъ такого пониманія, правильнѣе заключить, что и въ новомъ строѣ личность можетъ оказаться столь же опустошенной и морально разлагающейся, что и теперь. Потому сколь бы высоко мы ни ставили заботы о матеріальныхъ нуждахъ обездоленныхъ классовъ, нельзя забывать и о духовныхъ нуждахъ человѣка. Въ современномъ человѣчествѣ не только у насъ, но и на Западѣ произошелъ какой-то выходъ изъ себя во внѣ, упраздненіе внутренняго человѣка, преобладаніе въ жизни личности внѣшнихъ впечатлѣній и внѣшнихъ событій главнымъ образомъ политической и соціальной жизни. Отсюда такая потребность суеты, внѣшнихъ впечатлѣній. Современный человѣкъ стремится жить подобно человѣку, никогда не бывающему у себя дома, наединѣ съ собою: сознаніе заполнено, но достаточно пріостановиться этому калейдоскопу внѣшнихъ впечатлѣній, и можно видѣть, какъ бѣдна или пуста его жизнь собственнымъ содержаніемъ. Исторія сохранила намъ ослѣпительной яркости и глубокаго значенія образъ, символизирующій наше теперешнее духовное безвременье, поучающій и предостерегающій. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей ранняго гуманизма, носившій уже въ себѣ противорѣчія нашей теперешней эпохи поздняго гуманизма, Петрарка, разсказываетъ въ описаніи одного изъ своихъ путешествій, какъ онъ, взойдя на высокую гору, откуда открывался чудный видъ, раскрылъ на удачу *Исповѣдь* Августина, которую всегда имѣлъ при себѣ, и въ ней прочелъ слѣдующія слова: „и вотъ люди идутъ и съ удивленіемъ смотрятъ на высокія горы и далекія

моря, на бурные потоки и океанъ и небесныя свѣтила, но въ это время забываютъ о самихъ себѣ". Петрарка погрузился въ глубокое раздумье.

Эпохи упадочныя, сопровождающіяся высокимъ уровнемъ развитія культуры, отличаются вообще господствомъ философіи эпикуреизма, наслажденія жизнью въ ея утонченныхъ, эстетически облагороженныхъ формахъ. Этотъ культъ наслажденій разработало античное язычество въ эпоху своего упадка, въ эту же колею вступаетъ и современное неоязычество. Хотите ли знать, какъ представляетъ себѣ современный человѣкъ цѣль и смыслъ экономическаго прогресса, стоившаго и стоящаго столько жертвъ столькимъ поколѣніямъ? Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ проф. Зомбартъ, блестящій экономистъ нашего времени. Сдѣлавъ пренебрежительную характеристику предыдущей эпохи, вѣка Фихте, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра, Гейне и Гете, какъ эпохи аскетовъ и пуристовъ, не знавшихъ толку въ красотѣ, Зомбартъ дѣлаетъ слѣдующій прогнозъ будущаго: „я предвижу, что грядущее поколѣніе послѣ долгихъ столѣтій лишеній, наконецъ снова будетъ вести жизнь, которая будетъ пропитана красотой и довольствомъ. Явится поколѣніе, которое изъ полноты богатства, притекающаго къ нему съ расточительностью, создастъ цѣлый міръ вожделѣній и красивыхъ формъ, поколѣніе людей, для котораго наслажденіе, радость жизни сдѣлаются само собою разумѣющимися спутниками земныхъ странствій, людей съ утонченными чувствами, съ эстетическимъ міровоззрѣніемъ. Это значитъ, количественно потребность въ изящномъ приметъ такія формы, о которыхъ мы теперь не можемъ себѣ составить и малѣйшаго представленія, она возрастетъ безмѣрно до такихъ колоссальностей и великолѣпія, по сравненію съ которымъ „роскошь" императорскаго Рима, блескъ Венеціи, расточительность Версаля превратится въ ничто". „Дѣловая и торговая жизнь уже пропитывается красотой" (разумѣется здѣсь убранство отелей, магазиновъ, конторъ, салоновъ и под.).

Конечно, никто не поручится, что вся эта жизнь въ красотѣ не полетитъ къ чорту отъ какихъ-нибудь желтолицыхъ или смуглолицыхъ непріятелей или даже нѣсколькихъ хорошо знакомыхъ съ техникой взрывчатыхъ веществъ „индивидуалистовъ" въ современномъ вкусѣ. Такую возможность предусматривалъ еще въ 1846 г. Достоевскій, когда своему человѣку „изъ подполья" влагалъ въ уста такія рѣчи объ этомъ „будущемъ государствѣ": „вѣдь я нисколько не удивлюсь, если вдругъ, ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ съ неблагородной или, лучше сказать, ретроградной и насмѣшливой фи-

зіономіей, не упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а, что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу ногой прахомъ, чтобы намъ по своей глупой волѣ пожить!“ И что же скажутъ взбунтовавшемуся подполью люди, располагающіе всего идеаломъ эстетической парикмахерской, чѣмъ могутъ заклять они звѣря въ человѣкѣ, когда сами же его культивировали, не предвидя, что звѣрь, хотя и прирученный, остается дикимъ по природѣ.

Итакъ, добилось ли, начинаетъ ли добиваться человѣчество счастья и радости, гармоніи и покоя? Приближается ли оно къ нему? Едва ли кто, наблюдая симптомы духовной жизни европейскаго человѣчества, рѣшится это сказать. Напротивъ, морщины напряженной тревоги, мучительной тоски, замалчиваемаго, но тѣмъ не менѣе грознаго, ибо непобѣдимаго, страха смерти легли на его челѣ. „Упыніе народовъ и недоумѣніе“, этими евангельскими словами можетъ быть характеризовано настроеніе вѣка. Или какъ сказано въ Апокалипсисѣ: „Ангелъ вылилъ чашу свою на престолъ звѣря: и сдѣлалось царство его мрачно, и они кусали языки свои отъ страданія“.

Леденящій пессимизмъ и какой-то страхъ жизни, смѣшанный съ страхомъ смерти, заползаетъ въ душу, маловѣрные легко становятся суевѣрными, чувство тайны, живущее въ душѣ, разрѣшается въ исканіи таинственнаго, потребность въ религіи ищетъ выразиться въ безпредметной религіозности, утолиться хотя музыкой религіознаго чувства, создается мистицизмъ, безъ религіи, демонизмъ безъ вѣры въ Бога. Муки современной души, тоска современнаго сердца о Богѣ яснѣе всего, конечно, отражается въ искусствѣ, которое не можетъ лгать, не можетъ притворяться. Сейчасъ много смотрится и читается незамысловатая, но характерная пьеса Андреева: „Жизнь человѣка“. Вотъ вамъ точная философія человѣческой жизни, какой располагаетъ современное міровоззрѣніе. Судите же, что естественнѣе, проникнувшись настроеніемъ, господствующимъ въ этой пьесѣ: созидать хрустальные дворцы для будущаго или пустить пулю въ лобъ? И дѣйствительно, самоубійства, по поводу и безъ повода, просто отъ тоски и безцѣльности жизни становятся чаще и чаще, особенно среди нашей нервной, оторванной отъ почвы молодежи; конечно, вліяютъ и внѣшнія событія, но они только обостряютъ кризисъ.

Уже Достоевскій съ обычной своей проницательностью отмѣтилъ симптоматическое значеніе этого явленія, теперь такъ усилившагося, и связалъ его съ потерей религіозной вѣры. Эпоха упадка римской имперіи, насыщенная невѣріемъ и пессимизмомъ, отличалась эпидеміей самоубійствъ. Киренскій философъ Гегезій получилъ даже прозвище оратора смерти, и

былъ высланъ изъ Александріи за успѣшность своей проповѣди самоубійствъ. „Противъ бѣдствій жизни есть благодѣяніе смерти“,—училъ Сенека, у котораго находимъ настоящій гимнъ добровольной смерти. У однихъ смерть была введена въ систему эпикурейскаго использованія жизни, у другихъ была выходомъ для отчаянія. И тогда эпикуреизмъ оказался столь же смертоносенъ, какъ и теперь. Но на небѣ уже восходила тогда Виѳлеемская звѣзда, и на нее взирали ученые и неученые, волхвы и пастухи, рождалась въ міръ великая радость, радость навѣки. „Да радость Моя въ васъ пребудетъ и радость ваша да будетъ совершенна“. Теперь сумерки снова надвигаются надъ человѣчествомъ, уходящимъ въ удушливое подземелье и изнемогающимъ тамъ отъ пга жизни, но Виѳлеемская звѣзда свѣтитъ и теперь, и льетъ кроткій лучъ свой, и съ этимъ лучомъ каждому раскрывающемуся сердцу приносится тихій зовъ: „пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“. Пессимизмъ, разъ онъ появился, непобѣдимъ иначе, какъ религіозной вѣрой, ибо онъ питается сомнѣніемъ въ смыслѣ міра и въ возможности міровой гармоніи. Зло въ мірѣ и дисгармонія настолько непобѣдимы внѣшними средствами, что пессимизмъ безысходенъ, если не откроется въ душѣ цѣлебный родникъ вѣры и надежды, который „што“ жизни сдѣлаетъ „благимъ и легкимъ“, хотя оно и не перестанетъ быть игомъ. Не безболѣзненный праздникъ, о которомъ такъ тщетно мечтаютъ земные устроители человѣчества, сулитъ религія, напротивъ, тяжелый подвигъ, крестъ, но она даетъ и силы его нести, указуя его высшій смыслъ и цѣль, и скорбь и трудъ напояя радостью, той чистой радостью, которая утерпвается человѣчествомъ.

Какое поразительное сопоставленіе получается, если мы сравнимъ духовное состояніе античнаго общества въ I вѣкѣ нашей эры съ его культурой, но и съ его развращенностью и пессимизмомъ, и духовное состояніе первыхъ христіанскихъ общинъ, описанное въ Дѣяніяхъ апостольскихъ! Какимъ небеснымъ свѣтомъ озарено это повѣствованіе, нельзя его читать безъ радостнаго волненія! Я думаю, что никогда въ исторіи люди не жили радостнѣе, нежели эти бѣдныя общины, состоявшія изъ рыбаковъ, рабовъ, пастуховъ и лишь немногихъ ученыхъ. Они не имѣли тѣхъ культурныхъ благъ, съ которыми влачило свои дни античное общество, но у нихъ въ ихъ душѣ билъ живой ключъ радости и вѣры,—благодатная жизнь дѣтей Божіихъ!

Мнѣ однако представляется этотъ современный пессимизмъ здоровой и даже благородной реакціей на попытку развѣнчать человѣка, лишить его вѣры въ высшее добро и заставить его

удовлетворяться самимъ собой. Ибо это самоудовлетвореніе, самодовольство и равновѣсіе въ такомъ положеніи, въ которомъ невозможно быть человѣку въ равновѣсіи, есть уже извращеніе человѣкомъ своего естества, угашеніе духа, продажа правъ первородства за чечевичную похлебку. Это есть то мѣщанство, отъ котораго такъ задыхался нашъ Герценъ, ибо такая жизнь, хотя бы и жизнь въ красотѣ à la Зомбартъ, растлѣваетъ душу сильнѣе всякаго яда. Человѣкъ не въ силахъ вынести земного благополучія, ему дана только борьба, только крестъ, и когда онъ землю проклятія, которая такъ глубоко пропитана потомъ и кровью, превращаетъ для себя въ удобную постель и покойную подушку, забывая о всѣхъ противорѣчіяхъ своего бытія, онъ опускается и пошлѣетъ. Нѣтъ, въ пессимизмѣ залогъ того, что человѣкъ созданъ для вѣчности и для Бога, и, потерявъ это, страдаетъ и тоскуетъ тѣмъ напряженнѣе, чѣмъ выше онъ самъ. Вотъ почему „царство звѣря“, т.-е. цивилизація, воздвигнутая безъ Бога и противъ Бога, неизбѣжно должна быть мрачной, и люди начнутъ кусать языки отъ боли. И какъ бы ни ломали головы ученые и философы, какіе бы суррогаты ни придумывали, они не дадутъ человѣку того покоя и увѣренности, какой даетъ вѣра въ Того, кто обѣщаетъ: „пріидите ко Мнѣ, и обрящете покой душамъ вашимъ“.

Что въ невѣрующемъ человѣчествѣ не умерли, а только замерли религіозныя струны души, доказывается, въ моихъ глазахъ, тѣмъ значеніемъ, которое получаетъ въ такія эпохи эстетическій интересъ, чувство и служеніе красотѣ. Красота — божественна, ею Богъ облекъ міръ при созданіи его, и божественное въ красотѣ дѣйствуетъ на душу непосредственно или, какъ удачно выразился Соловьевъ, магически, помимо рефлектирующаго разсудка. Въ воспріятіи красоты человѣкъ дышитъ божественнымъ, хотя бы онъ головой его и отрицалъ. И въ искусствѣ съ его особымъ міромъ современной душѣ открывается единственная возможность, такъ сказать, — религіознаго питанія, котораго она лишена непосредственно путемъ молитвеннаго и религіознаго подвига. Въ силу такого исключительнаго значенія искусства естественно ожидать, что въ невѣрующія эпохи люди дорожатъ особенно эстетикой, такъ жадно ищутъ они красоты, такъ ревностно отдаются служенію ей. Я разумѣю „не жизнь въ красотѣ“, о которой говоритъ намъ Зомбартъ: при этомъ красота растлѣвается, богиня отдается въ горничныя богатыхъ людей, нѣтъ, я разумѣю ту подлинную и весьма напряженную жажду прекраснаго, благодаря которой нашъ вѣкъ безкорыстно ищетъ красоты, дорожитъ ею, преклоняется предъ ней. Чувство красоты природы чрезвычайно развито въ нашъ вѣкъ, едва ли не больше, чѣмъ когда-либо ра-

нѣе: музыка сферъ небесныхъ, высоты горъ, бездна моря, красота органическихъ формъ, цвѣтовъ, все это интимно сродняется съ душой современнаго человѣка, ищущей лучей божественной любви въ мірѣ:

И порознь ихъ отыскывая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты:
Намъ вѣстью лѣсъ о ней звучитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ качаяся цвѣты.

Настроеніе эстетическаго пантеизма Гёте вообще очень сродно современности. Этимъ чувствомъ природы, скрыто религіознымъ, спасается современная душа отъ сухости и мертвенности своего раціонализма, какъ и великими произведеніями искусства. „Святымъ Духомъ всяка душа живится“, поется въ церковномъ пѣснопѣніи, и красота есть даръ св. Духа и якорь спасенія для обнищавшаго духовно человѣчества. Когда я думаю объ этомъ животворящемъ дѣйствіи красоты, мнѣ вспоминается больная, страдальческая душа Гл. Успенскаго, который, подобно Гаршину и нѣкоторымъ другимъ, несомнѣнно страдалъ отъ несоотвѣтствія своего интеллигентскаго міровоззрѣнія религіознымъ запросамъ души. Успенскій разсказываетъ, какъ въ деревнѣ, глухой зимой вспомнились его герою (т.-е. ему самому) впечатлѣнія отъ Венеры Милосской, видѣнной имъ въ Парижѣ, и какъ это воспоминаніе „выпрямило“ душу (очеркъ такъ и называется „Выпрямила!“). Это трогательныя признанія интеллигентской души, тоскующей о Богѣ и не сознающей дѣйствительной природы своей тоски.

„Съ перваго момента, какъ только я увидалъ статую, я почувствовалъ, что со мною случилась большая радость. До сихъ поръ я былъ похожъ (я такъ ощутилъ вдругъ) вотъ на эту скомканную въ рукѣ перчатку. Похожа ли она видомъ на руку человѣческую? Нѣтъ, это просто какой-то кожаный комокъ. Но вотъ я дунулъ въ нее, и она стала похожа на человѣческую руку. Что-то, чего я понять не могъ, дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго, измученнаго существа и выпрямило меня, мурашками оживающаго тѣла пробѣжало тамъ, гдѣ уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего хрустнуть именно такъ, когда человѣкъ растетъ, заставило также бодро проснуться, не ощущая признаковъ недавняго сна, и наполнило расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ .. Гдѣ и въ чемъ тайна этого твердаго, покойнаго, радостнаго состоянія всего моего существа, невѣдомо какъ лившагося въ него? Я рѣшительно не могъ отвѣтить себѣ ни на одинъ вопросъ, я чувствовалъ, что нѣтъ на человѣческомъ языкѣ такого слова, которое могло бы опредѣлить животворящую тайну этого каменнаго существа. Разбить это!—продолжаетъ онъ,—да вѣдь это все равно, что лишить міръ солнца, тогда жить не стоитъ, если нельзя будетъ хоть разъ въ жизни ощущать этого“.

Искусство покоряетъ себѣ даже и въ такихъ чувствахъ и настроеніяхъ, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ совре-

менному міровоззрѣнію. Современный человѣкъ можетъ вмѣстѣ съ Бёклиномъ видѣть нимфу въ сыромъ гротѣ и наядъ въ морскихъ волнахъ, онъ можетъ въ молитвенномъ экстазѣ восторгаться Сикстинской Мадонной и всѣмъ искусствомъ возрожденія, ему доступна сумрачная мистическая величавость готическаго храма, онъ можетъ хвалить Творца вмѣстѣ съ Бетховеномъ, загораясь отъ пламеннаго гимна радости и любви къ Творцу въ девятой симфоніи. Многое изъ того, чего не позволяетъ себѣ современный человѣкъ логически и за личной своей отвѣтственностью, онъ можетъ вмѣстить эстетически, благодаря красотѣ у него вырастаютъ крылья, онъ чувствуетъ себя не комкомъ матеріи или двуногой обезьяной, но безконечнымъ духомъ, питающимся абсолютнымъ и божественнымъ.

Однако въ этомъ переводѣ религіозной жизни на языкъ исключительно эстетическій и выражается ограниченность нашей эпохи, ея однобокость и бѣдность. Эстетическія эмоціи еще не создаютъ возраждающей вѣры, эстетизмъ энциклопедиченъ, онъ уподобляется пчелѣ, перелетающей съ цвѣтка на цвѣтокъ, онъ можетъ совмѣщать совершенно несовмѣстимое. Для чисто эстетическаго воспріятія—таковъ именно современный эстетизмъ—не существуетъ ни зла, ни добра, ни преступленія, ни грѣха, вѣдь въ сущности, остается только красивая поза, красота положенія, но не духовнаго содержанія.

Кромѣ того, эстетическія воспріятія пассивны: они не требуютъ подвига, напряженія воли, они даются даромъ, а то, что дается даромъ, способно развращать. Въ настоящее время часто уже провозглашается эстетика, и ея критеріи выше этики, благодаря господству эстетизма получается впечатлѣніе, что наша эпоха, какъ и вообще высококультурныя эпохи, исключительно художественна, между тѣмъ какъ это объясняется ея односторонностью, разрушеніемъ остальныхъ устоевъ человѣческаго духа, и даже въ чисто художественномъ отношеніи является вопросомъ, способна ли внутренно подгнивающая эпоха декаданса создать свое великое въ искусствѣ, или она преимущественно коллекціонируетъ и регистрируетъ старое. Нѣкоторые держатся именно этого послѣдняго мнѣнія. Во всякомъ случаѣ при оцѣнкѣ современнаго эстетизма слѣдуетъ имѣть въ виду эти обѣ стороны: гипертрофія его, развитіе эстетики за счетъ мужественныхъ и активныхъ свойствъ души отмѣчаетъ упадочный и маловѣрный характеръ нашей эпохи, но въ то же время въ ней пробиваетъ себѣ дорогу черезъ пески и мусоръ вѣчная стихія человѣческой души, ея потребность жить, касаясь ризы Божества, если не молитвенной рукой, то хотя чувствомъ красоты и въ ней—нетлѣнности и вѣчности. Много значеній имѣетъ вѣщее слово Достоевскаго о

томъ, что „красота спасетъ міръ“; оставляя въ сторонѣ апокалиптическій его смыслъ, можно сказать, что и теперь красота спасетъ міръ отъ отчаянія, отъ раціонализма, отъ самодовольнаго мѣщанства, и теперь она поитъ жаждущаго больного и, можетъ быть, поддерживаетъ силы его до выздоровленія.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ ли уже рѣшительно и окончательно утвердилось выше описанное направленіе умовъ въ культурномъ человѣчествѣ, или это только полоса, настроеніе, которое можетъ миновать какъ изжитое? Вѣдь ярко обозначилось оно съ XVIII вѣка, а особенно рѣзко во 2-й половинѣ XIX, причемъ въ предѣлахъ этого направленія уже успѣло смѣниться нѣсколько волнъ: можно считать уже пережитымъ и изжитымъ такъ называемое „просвѣтительство“ XVIII вѣка съ его прямолинейнымъ раціонализмомъ и упрощеннымъ отрицаніемъ. Вѣкъ Мефистофеля смѣнился вѣкомъ Фауста, торжествомъ нѣмецкаго спекулятивнаго идеализма, начавшагося съ Канта, а онъ, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ считаться эпохой только разрушительной. Затѣмъ послѣдовало кратковременное торжество поверхностнаго матеріализма и позитивизма съ его отрицаніемъ всякой философіи. Но матеріализмъ и позитивизмъ въ настоящее время безусловно пережиты. Вновь возрождается религіозный идеализмъ, философскій и религіозный интересъ, получающій въ настоящее время такую обильную пищу еще и отъ историческихъ изслѣдованій по исторіи христіанства и другихъ религій. Въ центрѣ этихъ научныхъ изслѣдованій религіозно-философскаго и историческаго характера стоитъ изученіе всего, относящагося къ личности Спасителя. „Можно сказать,— говоритъ нѣмецкій ученый проф. Вейнель, — что никогда еще ни одно столѣтіе столь интенсивно не занималось Іисусомъ и не спрашивало объ его значеніи, какъ истекшее“ *) и, добавимъ къ этому, интересъ этотъ въ началѣ XX вѣка не ослабѣваетъ, а все увеличивается. Достаточно посмотрѣть указатели литературы, выходящей на Западѣ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Раздаются голоса, что религіозному омертвѣнію приходитъ конецъ. Изъ этихъ многочисленныхъ свидѣтельствъ я приведу вамъ для примѣра только авторитетное мнѣніе маститаго философа проф. Руд. Эйкена, къ слову сказать занимающаго каѳедру въ Іенскомъ университетѣ рядомъ съ Геккелемъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своей новой книгѣ **):

„Умножаются признаки того, что новое настроеніе и новыя стремленія, болѣе благопріятныя религіи, усиливаются. Правда, внѣшній потокъ

*) *Heinrich Weinel*: „Iesus im neuenzehntem Jahrhundert. Tübingen und Leipzig“. 1904, стр. 3.

**) *Rudolf Eucken*: „Hauptprobleme der Religionsphilosophie der Gegenwart“. Berlin, 1907. Стр. 113 и сл.

жизни направляется еще по преимуществу противъ религіи, но все яснѣе становится, что этотъ потокъ не захватываетъ всей человѣческой жизни, что ему противодѣйствуетъ низовое теченіе совсѣмъ иного рода. Въ основномъ отношеніи человѣка къ міру и въ основномъ ощущеніи жизни совершаются молекулярныя измѣненія, подрывающія теперешнюю почву и подготовляющія коренныя измѣненія въ цѣломъ. Опытъ XIX вѣка заставилъ почувствовать противодѣйствіе жизни, запутанность человѣческой жизни, а также внутреннюю противорѣчивость нашего существа сильнѣе, чѣмъ въ предыдущую эпоху... Мы освободили человѣка отъ всякой опеки извнѣ и изнутри, мы думали доставить ему этимъ неслыханное величіе, но освобожденіе выразилось въ отрѣшеніи отъ всѣхъ внутреннихъ связей дѣйствительности, и предоставленный себѣ человѣкъ показалъ при внѣшнемъ ростѣ столько внутренней мелкости, мы чувствуемъ такое вопіющее несоотвѣтствіе между великими проблемами эпохи и способностью индивидовъ рѣшать ихъ, что многіе умы охвачены сильнымъ стремленіемъ къ внутреннему возвышенію человѣка Мы бьемся и хлопочемъ неустанно сохранить свою жизнь, но стоитъ ли эта жизнь столькихъ трудовъ и заботъ! Мы запутались относительно цѣлаго нашей жизни, мы чувствуемъ такъ, какъ никогда, проблематическій характеръ нашего существованія. При всемъ внѣшнемъ блескѣ культуры, по этимъ вопросамъ о жизни и сущности мы остаемся въ прискорбной невѣрности... и не можемъ помѣшать тому, что внутренняя бѣдность просвѣчиваетъ черезъ весь этотъ блескъ. Такимъ образомъ это уже не только кризисъ религіи, это кризисъ всей вообще жизни, съ которой мы нынѣ имѣемъ дѣло Для борьбы за религію это создаетъ весьма благопріятное положеніе. Ибо ничто не было для религіи болѣе опасно, нежели мнѣніе, что культурная жизнь, полная духовности, идеальнаго убѣжденія, возможна безъ ея помощи, даже вопреки ей. Теперь же мы видимъ, что потрясеніе религіи есть лишь самый выдающійся пунктъ потрясенія всей духовной жизни, и можно надѣяться, что если произойдетъ новое укрѣпленіе жизни, то это будетъ на пользу и религіи и новому развитію“.

Вотъ какъ судитъ о положеніи вещей въ Европѣ вдумчивый наблюдатель нашихъ дней.

Охарактеризованный Эйкеномъ кризисъ личности и міровоззрѣнія нигдѣ не переживается съ такой трагической мучительностью и роковой силою, какъ у насъ, хотя, можетъ быть, онъ и слабо еще сознается. Это объясняется, отчасти, общими свойствами русской души и той особенной жгучестью, съ которой она относится къ вопросамъ религіознаго (въ широкомъ смыслѣ) сознанія, затѣмъ специфическими чертами интеллигентской психологіи съ ея слабостью традицій и историческихъ связей, ея теоретичностью и доктринализмомъ. Но особенно обостряющее значеніе имѣло здѣсь то историческое потрясеніе и кризисъ, который мы пережили послѣдніе годы и переживаемъ теперь. Если духовная анемія имѣла скрытый или хроническій характеръ въ обычное время, то она обостряется въ эпохи исключительныя.

Я не позволю себѣ ни описывать, ни характеризовать пережитаго нами, слишкомъ это близко и свѣжо всѣмъ, и не настало еще время для объективнаго, безстрастнаго къ этому отношенія. Въ настоящее время русское общество, по крайней

мѣрѣ та его часть, которая способна размышлять и учиться, находится въ тяжеломъ раздумьѣ и силится извлечь историческіе уроки изъ пережитаго, въ области политической, экономической, культурной, готовая набираться новыхъ силъ для творческой работы. Въ числѣ этихъ итоговъ наименѣе бросающійся въ глаза и наименѣе сознаваемый относится къ тому духовному кризису, о которомъ я говорилъ. Выдержала ли огненное испытаніе духовная личность новаго человѣка, все ли въ ней благополучно? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что политическое и общественное движеніе послѣднихъ лѣтъ было всецѣло интеллигентскимъ—не по своимъ участникамъ, которыми сдѣлались и массы народныя съ ихъ многоразличными соціальными интересами, но по своимъ идеямъ, идеаламъ, вообще по всей своей идеологіи. Сила идей и идейныхъ настроеній въ исторіи обнаружилась здѣсь съ стихійной мощью. Выяснилось съ полной очевидностью, что интеллигенція въ Россіи теперь уже есть историческая сила, значеніе которой въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи можетъ только увеличиваться, что это растущая сила будущаго. И такая оцѣнка и исторической роли интеллигенціи и вообще значенія идей въ исторіи заставляетъ считать идеи и настроенія интеллигенціи имѣющими особенную историческую важность, а положеніе ея сугубо отвѣтственнымъ. Я полагаю, что историческое будущее Россіи, ея процвѣтаніе или разложеніе, ростъ или гніеніе — въ рукахъ и на отвѣтственности интеллигенціи, именно какъ растущей силы будущаго. Исходя изъ такой оцѣнки, съ тѣмъ большей осторожностью и съ тѣмъ большей тревогой спрашиваешь себя: все ли благополучно въ душѣ интеллигенціи, не сдвинута ли интеллигентская душа съ своихъ устоевъ и не больна ли она? Я больше всего не хотѣлъ бы, чтобы сужденія мои были приняты какъ осужденіе или желаніе кого бы то ни было обвинить и свалить отвѣтственность за ужасы, въ которыхъ мы всѣ, за круговой порукой, виноваты. Я пытаюсь, какъ и всѣ, разобраться въ причинахъ той ѣдкой горечи, которая заползла въ душу послѣдніе годы, оглядѣться въ той мглѣ, которая насъ окутала. Многіе искренніе люди и изъ интеллигенціи, которые не связываютъ своихъ сужденій доктриной или программой, признаются, что и у нихъ на душѣ остается осадокъ горечи и тяжелаго недоумѣнія. Граница между добромъ и зломъ, дозволеннымъ и недозволительнымъ, свободой и деспотическимъ или анархическимъ своеволіемъ, партійной дисциплиной и общечеловѣческой моралью слишкомъ часто утрачивалась и слишкомъ легко переступалась за это время, чтобы это не могло не оставить впечатлѣнія, не заронить въ душу сомнѣнія и тревоги. Эксцессы партійности и напряженная атмосфера полити-

ческой междоусобицы ставили подъ сомнѣніе самую возможность взаимнаго пониманія и соглашенія, необходимаго въ цѣляхъ практической созидательной работы, ради общаго національнаго дѣла, грозили сдѣлать невозможной вообще какую бы то ни было созидательную работу. Такія опасенія мучительно угнетали меня лично во второй Государственной Думѣ подъ вліяніемъ непосредственныхъ впечатлѣній отъ думской жизни и думской работы. Въ какой степени наши историческія неудачи послѣднихъ лѣтъ вызваны неотвратимыми историческими обстоятельствами и темными историческими силами, а въ какой степени указанными особенностями нашего интеллигентскаго настроенія, учесть въ точности нельзя. Но несомнѣнно, что и доля участія послѣднихъ значительна. И не столько отдѣльныя програмныя положенія тѣхъ или иныхъ партій дѣлали несогласимыми и ожесточенными врагами всѣхъ противъ всѣхъ, но именно ихъ моральное обличіе, ихъ общее міровоззрѣніе, раздѣляемое всѣми и возбуждающее настроеніе не примиренія, а распри и раздора, создававшее атмосферу политическихъ страстей, не растворенную ничѣмъ примиряющимъ. Человѣка не было, были только члены разныхъ партій или представители разныхъ интересовъ, которымъ оставалось лишь размежеваться между собою. Но общество не можетъ развиваться и жить безъ извѣстнаго этическаго минимума солидарности и взаимнаго пониманія, какъ бы ни было сложно и многоразлично оно по своему составу, иначе оно распадается на нѣсколько враждующихъ тѣлъ, а въ концѣ-концовъ атомизируется. И потому то, что Достоевскій въ „Бѣсахъ“ и „Преступленіи и наказаніи“ описывалъ лишь какъ возможность, какъ предостереженіе, многимъ казалось даже, какъ политическій пасквиль, все это у насъ вошло въ обиходъ. То, что мы пережили и переживаемъ горькаго, морально-отрицательнаго въ нашей интеллигенціи, есть въ моихъ глазахъ экспериментальная повѣрка слабости распространеннаго антирелигіознаго міровоззрѣнія и доказательство отъ противнаго въ пользу религіознаго. Отсутствіе духовнаго здоровья отражается во всѣхъ проявленіяхъ жизни, во всемъ ея тонѣ. Вообще въ новое время умаляется историческое значеніе нравственной личности и ея здоровья; я склоненъ, напротивъ, считать его однимъ изъ опредѣляющихъ факторовъ исторической жизни, а въ самоопредѣленіе личности необходимо входитъ и то, что она думаетъ о себѣ, во что вѣруетъ, все ея вѣроученіе. Нельзя даже представить себѣ, какъ измѣнилась бы вся жизнь, насколько иначе сложились бы и протекли минувшія событія, какъ освѣтилось бы и темное настоящее, если бы мы сами стали другіе. Въ этомъ смыслѣ философско-религіозное credo русской интелли-

генціи, объединяющее большинство ея молодыхъ и старыхъ представителей безъ различія политическихъ оттѣнковъ, именно ея атеистическій нигилизмъ, я признаю однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ русской исторіи и одной изъ основныхъ причинъ, опредѣлившихъ теченіе событій послѣднихъ лѣтъ въ Россіи.

Это положеніе, можетъ быть, покажется менѣе парадоксальнымъ для не раздѣляющихъ нашей общей точки зрѣнія, если мы остановимъ вниманіе еще на одной особенности нашего времени. До девятисотыхъ годовъ міровоззрѣніе и настроеніе интеллигенціи оставалось замкнутымъ или кружковымъ, и можно было думать, что народная душа недоступна и непроницаема для интеллигентской проповѣди. Послѣднее десятилѣтіе, особенно же послѣднее трехлѣтіе, показало иное, именно, что народъ, особенно молодое поколѣніе деревни и городскіе рабочіе, оказываются воспріимчивыми къ интеллигентскому воздѣйствію и постепенно объинтеллигенчиваются, или, какъ это называется, становятся „сознательными“. Я оставляю совершенно въ сторонѣ тѣ или иныя политическія или экономическія положенія различныхъ программъ, излагавшихся народу, ибо не онѣ насъ интересуютъ и не онѣ имѣютъ въ моихъ глазахъ первостепенное значеніе, и вовсе не онѣ дѣйствительно революціонизируютъ сознаніе и совершаютъ въ народной душѣ глубокій переворотъ. Нѣтъ, всякое такое пріобщеніе народа къ „сознательности“, или его объинтеллигенчиваніе, начинается безразлично во всѣхъ интеллигентскихъ партіяхъ и по всѣмъ ихъ программамъ разрушеніемъ религіозной вѣры и прививкой догматовъ матеріализма и философскаго нигилизма. Конечно, необразованный простолюдинъ совершенно безсиленъ отнестись критически и безоруженъ, какъ ребенокъ, предъ наплывомъ новыхъ ученій. И съ той же легкостью, съ какой увѣровали въ невѣріе нѣкогда его просвѣтители, принимаетъ и онъ безрадостную, мертвящую вѣру въ невѣріе. Разумѣется, не нужно преувеличивать сознательности и прочности его старой вѣры, разлагающейся иногда отъ перваго прикосновенія. Конечно, это—дѣтская, наивная вѣра, но вѣдь всетаки она давала ему различіе между добромъ и зломъ, учила жить по правдѣ, по долгу, по-божески. Она воспитывала ту дивную красоту народной души, которая запечатлѣна и въ русской исторіи, и въ житіяхъ русскихъ святыхъ, и въ русской литературѣ, и въ искусствѣ. Благодаря ей народъ вынесъ и выноситъ на плечахъ своихъ крестъ своего историческаго существованія, и татарщины, и московской государственности, и петербургскаго періода, и свой идеалъ, свое представленіе о праведной жизни выразилъ, давъ себѣ напменованіе „святая

Русь", т.-е. конечно, не почитая себя святымъ, но въ святости видя идеалъ жизни. Неужели заблуждался сердцевѣдецъ и народолюбецъ Достоевскій, который изучалъ народную душу не только въ здоровьѣ, но и въ болѣзни, не только въ родной деревнѣ, но и на каторгѣ, когда писалъ:

„Пусть всетаки, пусть въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ неоспоримо: это именно то, что онъ, въ своемъ цѣломъ по крайней мѣрѣ (и не въ идеалѣ только, а и въ самой заправской дѣйствительности), никогда не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять грѣха своего за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ рано ли, поздно ли: я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то другой за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣхъ есть срамъ, и срамъ пройдетъ, когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христосъ— вѣчное. Народъ грѣшитъ и пакостится ежеминутно, но въ лучшія минуты, въ Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и важно, во что народъ вѣритъ какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего проситъ у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеалъ народа - Христосъ. А съ Христомъ, конечно, и просвѣщеніе, и въ высшія, роковыя минуты свои народъ нашъ рѣшаетъ и рѣшалъ всякое дѣло всегда по-христіански".

Эта старая вѣра и связанный съ ней духовный строй рушатся, дичку народной души дѣлается совершенно новая прививка. Такой силы, столь исключительной важности прививки, которую теперь дѣлаетъ народу наша интеллигенція, не дѣлала и не могла сдѣлать ему ни Москва, ни татарщина, ни Петербургъ; только Владиміръ Святой совершилъ равнаго значенія дѣло, крестивъ Русь, которую интеллигенція теперь постепенно раскрещиваетъ. Съ крещенія Руси началась исторія Россіи, христіанское сѣмя пало здѣсь на совершенно дѣвственную почву, на невоздѣланную цѣлину, съ раскрещиваніемъ начинается совсѣмъ новая эпоха исторіи. Чѣмъ же замѣняется старая вѣра, какими правилами жизни, какими нормами? Мы знаемъ, что по этому поводу значится въ интеллигентскомъ катехизисѣ: Бентамъ, Марксъ, Контъ и Фейербахъ (въ русской переработкѣ Лаврова или Михайловскаго), Штирнеръ: преслѣдованіе своихъ интересовъ отдѣльно или преслѣдованіе тѣхъ же интересовъ сообща съ другими, какъ классовыхъ или групповыхъ, или же свобода самоутверждающейся личности, анархическое „все позволено". Но для интеллигенціи всѣ эти понятія интереса суть чистая идеологія, псевдонимъ этическихъ и даже религіозныхъ настроеній; она борется не за свой, а за чужой интересъ, интересъ угнетаемыхъ классовъ. Кромѣ того, самые разрушительные выводы самыхъ разрушительныхъ доктринъ далеко не всегда и не вполнѣ переходятъ здѣсь въ дѣйствіе, но парализуются задерживающими центрами, вліяніемъ среды и общественнаго мнѣнія, культурными навыками, вообще

привычкой обращаться съ теоріями и принимать разныя страшныя слова и формулы бездѣйственно и безбоязненно. Правда, послѣдніе годы и интеллигенція потеряла равновѣсіе, но нѣтъ никакого сравненія съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое долженъ производить кодексъ атеистической догматики на народную душу. Людямъ изболѣвшимъ и пострадавшимся, и безъ того въ силу своего классоваго положенія склоннымъ къ враждебности по отношенію къ привилегированному меньшинству, людямъ, не имѣющимъ ни умственной подготовки, ни цивилизованныхъ навыковъ, вообще стоящимъ въ самыхъ неблагопріятныхъ культурныхъ условіяхъ, сообщаютъ въ качествѣ догматовъ для жизненнаго руководства—положенія, которыя явились во всякомъ случаѣ продуктомъ длиннаго философскаго и культурнаго развитія, выросли на культурно-богатой и насыщенной почвѣ. Вообще русская исторія богата крайностями, но едва ли можно себѣ представить крайность большую, чѣмъ это сообщеніе неграмотному, бѣдному крестьянину, не выходившему изъ своей деревни или за предѣлы своей фабрики, результатовъ работы мысли Юма и Вольтера, энциклопедистовъ и просвѣтителей, Фейербаха и Ницше и т. д. и т. д. Въ этомъ есть нѣчто, поистинѣ головокружительное. Я не возьмусь учитывать, насколько плодотворна даже и въ политическомъ и соціальномъ отношеніи оказалась эта замѣна просвѣщенія агитаціей, но морально-психологическое и обще-человѣческое значеніе этого учесть можно и теперь. Результатъ этотъ,—разложеніе личности, глубокій параличъ воли и нравственнаго чувства, мы имѣемъ теперь въ скорбной и нескончаемой эпопеѣ quasi идейныхъ преступленій, отъ которыхъ съ ужасомъ открещиваются всѣ интеллигентскія группы и всѣ направленія. И, конечно, они правы, поскольку, дѣйствительно, никто не хотѣлъ всего этого, и это явилось непредусмотрѣннымъ результатомъ тѣхъ потрясеній въ народной душѣ, тѣхъ опустошеній въ сокровищницѣ его вѣры, которыя внесла доктрина атеизма въ связи съ тяжелыми событіями и испытаніями нашего времени. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что чрезвычайное развитіе преступности, и притомъ въ патологической обстановкѣ своеобразной идейности, есть симптомъ болѣзни народной души, острая реакція духовнаго организма на ту нездоровую пищу, которая была введена въ него въ видѣ новыхъ ученій, объединявшихся отрицаніемъ религіозныхъ цѣнностей и абсолютной морали. И иныхъ всходовъ на русской нивѣ, при всей исторической совокупности обстоятельствъ, сѣвъ этотъ и не могъ дать. Я никоимъ образомъ, конечно, не забываю ни тѣхъ ужасовъ, среди которыхъ приходилось жить послѣдніе годы, ни той политической обстановки и экономической нужды, которыя и сами по себѣ вы-

бивали изъ духовнаго равновѣсія и обостряли, какъ, и въ свою очередь, были обострены указываемымъ мною духовнымъ кризисомъ. Онъ имѣлъ еще и другое, хотя и побочное, но очень важное послѣдствіе: создалъ и обострилъ междоусобицу, придавъ ей оттѣнокъ религіознаго фанатизма, сдѣлавъ ее борьбой не только разныхъ политическихъ мнѣній, но и разныхъ вѣръ. Этимъ обстоятельствомъ объясняются многія черты прискорбныхъ и трагическихъ событій осени 1905 г., какрвы бы ни были причины ихъ во всей сложности. Эта религіозная междоусобица и въ настоящее время чрезвычайно туманитъ русскіе горизонты и затрудняетъ наше положеніе. Народъ нашъ нуждается въ знаніяхъ, нуждается въ просвѣщеніи, однако такомъ, которое не дѣлало бы его бѣднѣе духовно, чѣмъ онъ былъ, и не разлагало бы его нравственную личность. Христіанское просвѣщеніе, развивающее и воспитывающее личность, а не случайное усвоеніе обрывковъ знанія, какъ средства агитаціи, вотъ въ чемъ нуждается народъ нашъ. Историческое будущее Россіи, возрожденіе и возстановленіе мощи нашей родины или окончательное ея разложеніе, быть можетъ, политическая смерть, находятся, по моему убѣжденію, въ зависимости отъ того, разрѣшимъ ли мы эту культурно-педагогическую задачу: просвѣтить народъ, не разлагая его нравственной личности. И судьбы эти исторія вѣряетъ въ руки интеллигенціи. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что она находитъ доступъ къ душѣ народной, и въ то же время она всегда имѣла страстное, неудержимое, жертвенное стремленіе къ служенію народу въ той формѣ, какъ она его понимаетъ. Въ этомъ-то пониманіи и все дѣло, и вотъ почему міровоззрѣніе самой интеллигенціи пріобрѣтаетъ такую исключительную важность, какъ состояніе нервовъ и мозга всей страны. Въ сердцѣ и головѣ русской интеллигенціи происходитъ борьба добра и зла, животворящаго и смертоноснаго, зиждительнаго и разрушительнаго начала въ Россіи, а поскольку происходящее у насъ имѣетъ несомнѣнно и міровое значеніе, то и борьба эта міровая. Но это пониманіе своей исторической миссіи и своего значенія должно удесятерять чувство отвѣтственности за свои дѣйствія. Вѣдь нигдѣ больше нѣтъ такого положенія: великій народъ, безпомощный, беззащитный духовно какъ ребенокъ, находящійся на уровнѣ просвѣщенія почти что эпохи св. Владиміра, и интеллигенція, которая несетъ просвѣщеніе Запада, преимущественно съ разными послѣдними словами, смѣняющимися съ быстротою моды, и которая, какъ ее ни удерживаютъ и ни отстраняютъ, находитъ и, конечно, будетъ находить дорогу къ этому ребенку. Два электричества: когда они соединятся, что дадутъ они,—благодѣтельный свѣтъ и тепло или разрушительную и испепеляющую молнію?

Если міровоззрѣніе самой интеллигенціи, которое она несетъ народу, останется тѣмъ же, что и теперь, то и вліяніе ея на народъ сохранитъ тотъ же характеръ; только не измѣняясь качественно, оно будетъ расти количественно. Но нельзя, конечно, и думать, чтобы интеллигенціи, по крайней мѣрѣ, въ обозримомъ будущемъ, удалось обратить въ свою вѣру всю народную массу, часть ея во всякомъ случаѣ останется вѣрна религіи. И на почвѣ этого разновѣрія непзбѣжно должна возникнуть такая внутренняя религіозная война, подобіе которой слѣдуетъ искать только въ войнахъ реформаціонныхъ. При этомъ духовная и государственная сила народа будетъ таять, и жизнеспособность государственнаго организма уменьшаться до перваго удара извнѣ. Отъ этого пути достаточно предостерегаютъ насъ пережитыя событія. Но неужели напрасно возгремѣли надъ нами небесные громы? Неужели мы, немного поотдохнувъ да пооправившись отъ пережитаго, заживемъ опять по-старому, старыми чувствами, старыми мыслями, старымъ легкомысліемъ, такъ, какъ будто ничего не случилось, ничего не раскрылось, ничего не нажито? Просто, сорвалось да и все тутъ, могло бы и не сорваться, еслибъ оказалось немного больше силъ; надо стараться, чтобы другой разъ ужъ не сорвалось. Русскій интеллигентъ склоненъ къ такой безпечной лѣни души, и сейчасъ уже начинаетъ складываться такое успокоительное, доосвободительное настроеніе и въ печати и въ кружкахъ, какъ будто мы не увидали голову Горгоны, какъ будто мы просто просчитались, и остается только отступить нѣсколько шаговъ назадъ, вернуться на старыя позиціи. Нѣтъ, вернуться на старыя духовныя позиціи нельзя, мы отдѣлены пропастью, полной мертвецовъ, мы выросли и исторически постарѣли, безполезно и недостойно намъ молодиться. Надо начать что-то новое, учесть историческій опытъ, познать въ немъ самихъ себя и свои ошибки, ибо иначе, если мы будемъ видѣть ихъ только у другихъ, на противной сторонѣ, то мы останемся загипнотизированы своей враждой къ ней и ничему не научимся. Потребно самоуглубленіе, самопослѣдованіе, потребно накопленіе духовныхъ силъ, творчество культуры.

Разныхъ сторонъ должно коснуться это самообновленіе, но если спуститься на самое дно, въ глубину души, то это созданіе новой личности и новой жизни должно начаться *религіознымъ* самоуглубленіемъ, новымъ и болѣе сознательнымъ религіознымъ самоопредѣленіемъ. Новый человѣкъ, новый типъ общественнаго дѣятеля можетъ родиться лишь на почвѣ этого самоуглубленія, это будетъ то новое русской жизни, о чемъ, умирая, мечталъ Достоевскій въ послѣднемъ своемъ романѣ, то новое, чего не было въ русской жизни послѣднихъ лѣтъ

и что, можетъ быть, и загубило послѣднее общественное движеніе и обрекло его на безсиліе. Россія, въ противоположность Англіи, за единичными исключеніями, не видала еще *христіанской интеллигенціи*, которая пылъ своей души, жажду своего служенія людямъ и крестнаго подвига вложила бы въ христіанскій подвигъ дѣятельной любви и побѣдила бы ту тяжелую атмосферу вражды и человѣконенавистничества, въ которой мы задыхаемся, и въ которой ничто, кромѣ разрушенія, не можетъ спориться. Въ нашей интеллигенціи такъ много потенціальной религіозной энергіи, она такъ неотступно приноситъ жертвы на своемъ алтарѣ „невѣдомому богу“,—неужели же навсегда это невѣдѣніе? Я знаю, какъ далека отъ дѣйствительности, какъ смѣшна можетъ казаться эта мечта о христіанской интеллигенціи и прекращеніи того разрыва между интеллигенціей и народомъ, который поддерживается теперь религіознымъ разновѣріемъ. Но слишкомъ прекрасна эта мечта, чтобы можно было съ нею разстаться, и слишкомъ нужно для жизни ея осуществленіе, нуженъ новый сѣвъ, новая влага, изливающаяся на изсохшую и растрескавшуюся землю. Въ этой духовной опустошенности нашей эпохи, въ этой ея безысходности заключается наша величайшая надежда, духовная смерть можетъ оказаться канономъ духовнаго воскресенія, какъ это было и XIX вѣковъ назадъ, какъ это неоднократно бывало потомъ въ исторіи, когда христіанскій пламень съ новой силой вспыхивалъ изъ едва тлѣющаго костра.

Съ развитіемъ историческихъ событій все яснѣе раскрывается религіозный смыслъ русской драмы, которая, выражаясь въ политическомъ и соціальномъ кризисѣ, коренится въ духовномъ распадѣ и внутреннемъ раздорѣ русскаго народа. И несмотря на столько жертвъ и испытаній, она не разрѣшилась. Болѣзнь вогнана внутрь, изъ острой лишь перешла въ хроническую. Мы опытно познали, что нельзя безнаказанно нарушать заповѣди: „ищите прежде всего царствія Божія и правды Его, и вся прочая приложатся вамъ“. Мы заботились исключительно объ этомъ прочемъ, оставляя въ небреженіи духовный міръ человѣка, эту подлинную творческую силу исторіи. И мы потеряли духовное равновѣсіе и разбрелись въ разныя стороны въ погонѣ за этимъ „прочимъ“, которое все болѣе дробилось и разъединяло людей. И въ этомъ лежитъ подлинная причина нашего историческаго безсилія, слабости творчества при такой энергіи разрушенія. Только обновленному человѣку посильна задача устроенія разстроившейся жизни, но обновленіе это создается не пересмотромъ программъ или тактики, или новой политической комбинаціей (какъ бы ни были важны сами по себѣ и эти послѣднія). Рожденіе новаго чело-

вѣка, о которомъ говорится въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, можетъ произойти только въ нѣдрахъ человѣческой души, въ тайникахъ самоопредѣляющейся личности. Подвигъ историческаго творчества не можетъ быть отдѣленъ отъ духовнаго подвига возрожденія человѣческой личности, которое не совершается помимо нашей воли. Правъ былъ Гладстонъ: не въ парламентахъ или народныхъ собраніяхъ происходитъ теперь самое рѣшительное столкновеніе добра и зла, но въ душахъ людей, и историческія судьбы Россіи взвѣшиваются нынѣ въ той незримой внутренней борьбѣ, которая происходитъ въ русской душѣ. Къ ней, къ этой борьбѣ, и къ намъ, въ которыхъ она совершается, вполнѣ примѣнимо грозное слово Моисея, предсмертное завѣщаніе пророчественнаго вождя Израиля къ своему народу, предопредѣлившее его земныя судьбы: „призываю во свидѣтели небо и землю: жизнь и смерть положилъ я тебѣ, проклятіе и благословеніе. Избери же жизнь, да живешь ты и сѣмя твое!“

Воскресеніе Христа и современное сознаніе[1]).

Въ книгѣ „Дѣяній Апостольскихъ“, въ которой разсказывается, какъ апостолы проповѣдывали открывшуюся имъ вѣру во Христа, какъ Спасителя міра, Своей смертью и воскресеніемъ совершившаго дѣло спасенія, особенно близокъ и понятенъ современному человѣку эпизодъ проповѣди ап. Павла въ Аѳинахъ, столицѣ культуры того времени, центрѣ философіи, искусства, литературы (Дѣян. Ап. глава 17). Кто и въ наше время, принявъ въ сердце истину Евангелія, захотѣлъ бы громко заговорить объ этой вѣрѣ, тотъ чувствуетъ себя приведшимъ отъ дикой и странной для современныхъ ушей, „ненаучной“ и ненужной проповѣдью, представляющей „безуміе для эллиновъ“, какъ бы въ Аѳины, „этотъ городъ полный идоловъ“, вступая въ который „возмутился духомъ“ даже великій апостолъ. По части изобрѣтенія идоловъ современность оказалась даже острѣе, изобрѣтательнѣе, тоньше, нежели греческія Аѳины, ибо создала еще абстрактныхъ, идейныхъ идоловъ, въ видѣ всевозможныхъ „научныхъ“ и ненаучныхъ теорій, въ которыхъ запуталась безпомощно современная душа: въ пантеонѣ современныхъ аѳинянъ имѣются идолы политическіе, соціалистическіе, эстетическіе, научные. И это уже не то наивное, простодушное идолопоклонство, которое было свойственно дохристіанскому міру, здѣсь чувствуется болѣе рѣзкій, сознательный и упорный духъ противленія и идолопоклонства, вооружившійся силой знанія, отвлеченной мысли, тонкихъ чувствованій.

Поздній, предразсвѣтный часъ кладетъ болѣе рѣзкія и густыя тѣни, нежели часъ ранній, сумеречный. „Аѳиняне же всѣ и живущіе у нихъ иностранцы ни въ чемъ охотнѣе не проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое“,—черта, цѣликомъ сохранившаяся и у теперешнихъ аѳинянъ, столь падкихъ до всякихъ какъ эстетическихъ, такъ и умственныхъ развлеченій. Поэтому аѳиняне привели ап. Павла въ ареопагъ и говорили ему: „можемъ ли мы знать,

---

1) Было напечатано въ пасхальныхъ номерахъ кіевской газеты „Народъ“ (1905) и петербургскаго еженедѣльника „Вѣкъ“ (1907).

что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобой, ибо что-то странное ты влагаешь въ уши наши. Посему хотимъ знать, что это такое?“ Однако когда ап. Павелъ изложилъ предъ ними ученіе о Богѣ и о Христѣ, въ достаточной степени удовлетворившіе свое любопытство аѳиняне, услышавши о воскресеніи мертвыхъ, одни насмѣхались, а другіе говорили: „объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время“, такъ что ап. Павелъ „вышелъ изъ среды ихъ“, и только *нѣкоторые*, „приставши къ нему, увѣровали“.

Не иного пріема слѣдуетъ ждать и отъ современныхъ аѳинянъ, если серьезно и искренно заговорить съ ними о воскресеніи Христа, въ которомъ вся сила, вся сущность, все содержаніе христіанства („если Христосъ не воскресъ, тщетна вѣра наша“). Однако и въ современныхъ Аѳинахъ найдутся *нѣкоторые*, уже потерявшіе душевное равновѣсіе и смутно ищущіе выхода изъ лабиринта современной мысли, хотя и не сознающіеся въ этомъ иногда даже предъ самими собой. И о нихъ можно сказать то, чѣмъ началъ свою проповѣдь аѳинянамъ ап. Павелъ, который говорилъ такъ: „Аѳиняне, по всему вижу я, что вы какъ-то особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: „невѣдомому Богу“. Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ“.

Современные аѳиняне, намъ близкіе, именно родная намъ, дорогая, кровной связью связанная съ сердцемъ нашимъ русская интеллигенція, дѣйствительно „особенно набожна“. Своей вѣрѣ, своей религіи она служитъ беззавѣтно, до мученичества, до героизма. Она свята относительно своей вѣры, но заблудилась именно въ этой вѣрѣ, потеряла путь въ дремучемъ лѣсу и, не находя тропинки, не зная, къ чему беззавѣтно и окончательно прилѣпиться, куда отдать жаръ своей души, она вся превратилась въ томленіе, въ боль, въ муку, въ истому. Въ своемъ больномъ и мятущемся сердцѣ она постоянно воздвигаетъ алтари, на которыхъ творится непрерывное жертвоприношеніе, но сама не знаетъ, кому посвятить свой алтарь, не знаетъ *имени* своего Бога. И алтарь ея оказывается посвященъ „невѣдомому Богу“,—Богу, но невѣдомому,—невѣдомому, но Богу. Такъ соединяется эта подлинно религіозная жажда со скудостью религіознаго знанія и вѣры, соединяется до того времени, когда, наконецъ, откроется истинное имя невѣдомаго! Поклоненіе невѣдомому Богу выражается въ наши дни въ служеніи одной смутной идеѣ, одному духовному идолу: идеѣ *прогресса*, представляющаго какъ бы частный случай мірового закона эволюціи. Безконечный, а, слѣдовательно, и невѣдомый, неизслѣдимый для человѣка прогрессъ, безконечная эволюція,—вотъ Зевесъ и Олимпъ современныхъ аѳинянъ. И относительно

этой идеи, этого алтаря „невѣдомому Богу“ можно также сказать словами ап. Павла: „Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ“. Ибо ученіе о прогрессѣ и міровой эволюціи есть смутная, безсознательная проповѣдь Христова Воскресенія, а проповѣдь Христова Воскресенія включаетъ въ себѣ всю ту истину, которая содержится въ ученіи объ эволюціи и прогрессѣ, если только поставить эти ученія въ надлежащія имъ границы, дать правильное истолкованіе. Какъ это?

Человѣчество никогда не считало и не считаетъ свою, лежащую во злѣ и грѣхѣ, отравленную ненавистью и преступленіемъ, искаженную слабостью и ограниченностью жизнь должнымъ, нормальнымъ удѣломъ человѣческаго рода. Не вѣря въ Спасителя, оно сохраняетъ потребность въ спасеніи и вѣру въ спасеніе. Оно вѣритъ теперь, что, если не спасается и не можетъ быть спасенъ отдѣльный человѣкъ, отдѣльное поколѣніе, зато спасется человѣчество въ цѣломъ, въ лицѣ будущихъ поколѣній, составляющихъ собой какъ бы цѣль исторіи, исходъ изъ ея трагическаго лабиринта. Путь прогресса есть путь спасенія человѣчества, прогрессъ — его спасеніе. Такъ мыслитъ, такъ чувствуетъ, такъ вѣритъ современное человѣчество. Во имя этой вѣры, во имя спасенія человѣчества путемъ прогресса приносятся жертвы, отдается жизнь, покой, свобода. Спасеніе человѣчества въ прогрессѣ есть путеводный огонь современнаго человѣчества; лишите его этой вѣры, погасите этотъ огонь,—и оно останется въ непроглядной тьмѣ, и этой тьмы не выдержатъ именно самые доблестные, самые чистые, самые вѣрующіе.

Но есть-ли въ прогрессѣ дѣйствительно спасеніе? Спасается-ли имъ человѣчество отъ мрака, скорби, униженія, паденія? Спасается-ли, и можетъ-ли спастись имъ однимъ хотя кто-либо? На эти вопросы мы троекратно отвѣчаемъ нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Что представляетъ собой живую реальность, что живетъ: человѣческая индивидуальность или отвлеченное человѣчество? Можно-ли говорить о человѣчествѣ какъ о существующей реальности, если при этомъ постоянно уничтожаются или обезцѣниваются личности, если само человѣчество превращается лишь въ простое чередованіе поколѣній и личностей? Между тѣмъ понятіе человѣчества имѣетъ въ современныхъ глазахъ только такое значеніе. Проклятіе бездомности и взаимной чуждости поколѣній неизбѣжно ложится на людей, какъ только мы начинаемъ такъ мыслить человѣчество. Часть не можетъ замѣнять цѣлаго,—вѣдь, если въ теперешнемъ обществѣ капиталисты пользуются всѣми матеріальными благами, мы не можемъ же говорить, что современное общество благоденствуетъ,

и, если мы примемъ, что дѣйствительно въ концѣ временъ будутъ благоденствовать послѣднія поколѣнія, представители которыхъ и явятся счастливыми наслѣдниками всего историческаго прогресса, то одинаково нѣтъ основаній думать и говорить, что въ лицѣ ихъ спаслось человѣчество, побѣждена историческая трагедія, найденъ выходъ изъ жизненныхъ противорѣчій. Какъ тѣ, такъ и другіе капиталисты, какъ эти потребители прибавочной цѣнности въ смыслѣ экономическомъ, т. е. продуктовъ чужого труда, такъ и эти потребители прибавочной цѣнности въ смыслѣ историческомъ, не свободны, и даже не должны быть свободны отъ укоровъ совѣсти, отъ сознанія извѣстной паразитарности своего существованія. Самодовольный капиталистъ, не заботящійся о своихъ близкихъ, въ частности о своихъ рабочихъ, всего менѣе можетъ явиться идеальнымъ образцомъ, но столь же мало можетъ послужить имъ и гражданинъ Zukunftstaat'a, если онъ самодовольно забудетъ объ нашихъ страданіяхъ, о той цѣнѣ, которой былъ купленъ этотъ Zukunftstaat въ исторіи. Въ представленіяхъ о государствѣ будущаго, о спасающемся прогрессомъ человѣчествѣ неизбѣжно приходится колебаться между двумя возможностями: или будущіе люди съ болѣе чуткой совѣстью, съ болѣе развитымъ чувствомъ общечеловѣческой солидарности и любви будутъ терзаться отъ сознанія, что ихъ благополучіе куплено такою дорогой цѣною, и тогда они въ тысячу разъ жалче насъ и несчастнѣе, и ужъ совершенно не годятся для роли увѣнчивающихъ міровую исторію счастливцевъ будущаго, или, въ обратномъ случаѣ, если они обо всемъ забудутъ и все припишутъ себѣ самимъ, то мы имѣемъ просто свинство, отталкивающее безобразіе, при одной мысли о которомъ тошнитъ и мутитъ, при мысли, что ради мѣщанскаго довольства и благополучія этихъ господъ была заплачена такая цѣна, пролита была мученическая кровь. Меня всегда поражаетъ, какъ исповѣдующіе религію прогресса, чающіе Zukunftstaat'a не замѣчаютъ всей внутренней безысходности своего положенія, всей призрачности своего идеала. Нѣтъ, идея прогресса не даетъ и не можетъ дать исхода изъ трагическихъ противорѣчій жизни, человѣкъ не можетъ спастись отъ нихъ въ прогрессѣ.

Но прогрессъ не есть спасеніе еще и потому, что онъ не побѣждаетъ главнаго врага, обезцѣнивающаго и обезсмысливающаго жизнь, — смерть, эту страшную нигилистку, уничтожающую всѣ цѣнности. Иногда пытаются одержать мѣщанскую побѣду надъ смертью, притупивъ ея трагическое остріе, изобрѣтая средство сдѣлать ее безболѣзненной и покойной. Это значитъ, какъ справедливо выразился когда-то (въ личномъ разговорѣ) Л. Н. Толстой по поводу теоріи проф. Мечникова,

добиваться, чтобы человѣкъ жилъ какъ корова. Фактъ существованія смерти обезцѣниваетъ жизнь не только тѣмъ, что превращаетъ ее въ нѣчто временное и случайное, но онъ уничтожаетъ и самую связь человѣчества, кладетъ печать разорванности на всю его духовную жизнь. То, что мыслится въ понятіи „вѣчная жизнь“, предполагаетъ новый, качественно отличный способъ воспріятія бытія, особенной полноты, въ отличіе отъ разорванности временнаго. И жажда полнаго абсолютнаго познанія и чувства, которую мы испытываемъ въ своей душѣ, хотя и безсильны ее удовлетворить, требуетъ для своего удовлетворенія именно особой, качественно иной жизни, чѣмъ та, какую мы знаемъ, жизни вѣчной, и только въ ней можетъ разрѣшиться загадка человѣческаго духа. Утолить это алканіе вѣчности мы не можемъ, заглушать его мы не должны, ибо это значило бы погасить въ себѣ огонь Прометея, совершить надъ собой величайшее духовное преступленіе, измѣну Духу Святому. И для будущихъ поколѣній остается таже дилемма: или эта загадочность, противорѣчивость, ненасытность и ненасыщаемость духа, какая и у насъ, только больше, острѣе, мучительнѣе, или мѣщанское тупое самодовольство, чего да не будетъ!

Что же даетъ намъ ученіе о воскресеніи Христа и основанномъ на немъ грядущемъ всеобщемъ воскресеніи, преображеніи міра и насъ въ немъ, о новомъ небѣ и новой землѣ, о новомъ Іерусалимѣ, въ которомъ „ничего уже не будетъ проклятаго“, въ которомъ „отретъ Богъ всякую слезу, и смерти не будетъ уже, ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее прошло“ (Апокал. XXI, XXII), и „времени уже не будетъ?“ Оно даетъ единственно возможный и мыслимый исходъ изъ указанныхъ трагическихъ противорѣчій, оно утверждаетъ единственную разумную и пріемлемую „теорію прогресса“, и тѣ намеки, которые робко и нерѣшительно прорываются въ чаяніяхъ современнаго человѣчества, оно торжественнымъ побѣднымъ гимномъ: Христосъ воскресе—возвѣщаетъ міру.

Христосъ воскресъ,—въ мистическомъ центрѣ міра произошло уже рѣшительное столкновеніе добра и зла, добро одержало уже рѣшительную и безусловную побѣду, и Христосъ воскресъ,—таковъ абсолютный *фактъ*, который возвѣщаетъ міру христіанство, въ которомъ кладетъ свое основаніе (а вовсе не въ новомъ моральномъ ученіи, какъ хотятъ истолковать его современные толстовцы Россіи и Запада, гдѣ такое пониманіе, вѣрнѣе, непониманіе христіанства все болѣе распространяется среди представителей протестантизма). Воскресеніе Христа это завѣтъ и обѣтованіе *сохраненія всѣхъ цѣнностей* и, прежде всего, абсолютной цѣнности человѣческихъ индивидуальностей, безжа-

лостно косимыхъ смертью, возстановленіе всего вѣчнаго и цѣннаго, что творилось въ исторіи; это—спасеніе духовныхъ благъ, истинныхъ цѣнностей культуры, пріобщеніе историческаго человѣчества къ міровому творчеству, къ участію въ мірозданіи. Этимъ дается отвѣтъ и на вопросъ, къ чему же человѣческая исторія *послѣ* Христа, зачѣмъ осуждены мы мучиться и томиться въ этой юдоли скорби, когда вѣчная правда одержала уже окончательную побѣду и было сказано уже: „мужайтесь, Я побѣдилъ міръ“ (Іоан., XVI, 33). Мірозданіе и вѣнецъ его—человѣчество, душа міра, съ своей исторіей является дѣломъ богочеловѣческимъ, не только божескимъ, но и человѣческимъ, въ которое вложены человѣческія усилія, стремленіе, дѣланіе. Человѣчество не можетъ ни спастись, ни преобразить себя и міръ своими силами, но оно и не должно быть спасено насильно, какъ ребенокъ, оно должно достигнуть внутренней зрѣлости, путемъ свободы искушеній, должно совершить историческій процессъ. И этотъ процессъ въ вѣрѣ христіанской получаетъ абсолютную, хотя и внѣ себя лежащую цѣль, — онъ подготовляетъ міръ и человѣчество къ всеобщему преображенію, къ срѣтенію Грядущаго во славѣ и силѣ. Каковъ бы ни былъ этотъ процессъ по своему непосредственному содержанію и земнымъ результатамъ (по вѣрѣ христіанской онъ вовсе не приводитъ къ раю на землѣ и вѣчной субботѣ, какъ представляютъ наши современники, напротивъ, ведетъ къ обостренію человѣческой трагедіи и въ смыслѣ эвдемонистическихъ результатовъ сведется на нуль), но онъ, во всякомъ случаѣ, по своей конечной цѣли является прогрессомъ, ибо есть путь впередъ къ неподвижной абсолютной цѣли, къ новому Іерусалиму. И, слѣдовательно, участіе въ историческомъ дѣланіи, въ осуществленіи прогресса есть задача не только обязательная, но и полная глубокаго, непререкаемаго смысла, хотя и опредѣляемаго не земными непосредственными результатами. И никакое дѣло творческаго подвига, даръ Духа Святаго, не отметается, не уничтожается смертью, но соблюдается какъ мостъ къ будущему, какъ подлежащее увѣковѣченію и росту въ предстоящемъ Преображеніи и Воскресеніи. И воскреснутъ *народы* въ своей исторически-психологической индивидуальности, съ тѣмъ, что̀ въ нихъ безсмертно, что̀ отъ Духа Святаго, и возстановятся умершія индивидуальности, безъ которыхъ міръ пустѣетъ, всѣ вопросы разрѣшатся, и мы поймемъ не какъ „зерцаломъ въ гаданіи, но лицомъ къ лицу“.

Мечта о Новомъ Іерусалимѣ, предчувствіе спасенія міра и всеобщаго воскресенія и преображенія, глубоко залегла въ душѣ и у тѣхъ, кто отвергли вѣру въ Спасителя. Спасеніе есть реальный совершившійся фактъ, и его присутствія въ

жизни людей нельзя устранить. Отсюда рождаются теоріи прогресса, мечты о Zukunftstaat'ѣ, этотъ слабый отблескъ неземного свѣта Новаго Іерусалима, но какъ блѣдны и извращенны эти идеалы, послѣ того какъ они оторваны отъ своего религіознаго корня и превращены изъ идеаловъ всеобщаго сохраненія и возстановленія всѣхъ цѣнностей въ скучную, безцѣльную мечту о кратковременномъ земномъ счастьѣ позднѣйшихъ поколѣній, купленномъ цѣною крови, страданій и жизней предыдущихъ людей. Какъ все, самое завѣтное и дорогое, вырождается и вянетъ, оторванное отъ родимаго ствола! Поистинѣ „безъ Меня не можете творить ничего".

Но мы слышимъ уже, какъ противъ насъ выдвигается главный логическій идолъ нашего времени — „научность", передъ которымъ пасуютъ, склоняютъ свои колѣни многіе даже смѣлые умы, слышимъ хриплый, скрипучій, мертвенный голосъ ея оракуловъ, говорящій: какъ можно говорить о воскресеніи, о чудесахъ, вообще о такихъ вещахъ, которыя давно упразднены наукой и отнесены къ числу отжившихъ суевѣрій! Поищемъ убѣжища подъ сѣнію одного изъ самыхъ главныхъ умственныхъ идоловъ, помѣщающихся въ кумирнѣ научности,—идеи *эволюціи*. Это ученіе, также представляющее отголосокъ забытаго Откровенія, гласитъ, что все развивается, создаются новыя формы бытія, новыя формы жизни. Путемъ эволюціи возникла изъ мертвой матеріи первая живая клѣтка, а сложеніемъ этихъ клѣтокъ образовался животный міръ, а эволюція животнаго міра создала Платона и Дарвина, Ньютона и Шекспира. Эта теорія, какъ и всѣ научныя теоріи, отрицающая чудесное,—хотя въ истинный, философскій смыслъ этого понятія сторонники ея не углубляются, считая чудомъ, по лѣности мысли, лишь прямое отрицаніе законовъ природы,—вводитъ насъ, сама того не замѣчая, въ міръ чудесъ, въ міръ новаго непрерывнаго творенія, въ міръ постоянныхъ преображеній. Именно теорія эволюціи подводитъ насъ вплотную къ идеѣ всеобщаго воскресенія и преображенія. Теорія эволюціи установляетъ лишь *порядокъ* становленія, новаго созданія, и, описывая эти условія, она дѣлаетъ насъ нечувствительными къ тому, что мы живемъ въ атмосферѣ непрерывнаго чуда (опять таки, если не придавать этому слову вульгарнаго значенія, навязаннаго ему, съ одной стороны, религіозными мистификаторами, а, съ другой, темными и необразованными научными спеціалистами). Развѣ не чудо, не новое твореніе—появленіе жизни на нашей планетѣ, новыхъ видовъ, наконецъ, культуры? Протрите свои глаза и смотрите кругомъ! Развѣ не чудо, что отъ темной матери и отца, совершая точно описанный типъ утробнаго развитія, родится вдругъ великій геній и свѣтильникъ человѣчества, несущій міру совершенно новую вѣсть?

Наше время больше всего любитъ употреблять понятіе „естественной необходимости“, научно познаваемой и формулируемой въ законахъ природы, противопоставляя его пониманію міра, какъ воплощенія творческихъ идей, какъ непрерывнаго чуда. Философы этого направленія проглядываютъ при этомъ только одинъ видъ естественной необходимости,—естественную необходимость... чуда, *новаго* творенія, новой жизни. Напр., въ марксизмѣ утверждается, что въ силу научно познанной, естественной необходимости,—развитія производительныхъ силъ, на извѣстной ступени этого развитія совершается чудо,—наступаетъ общественное преображеніе, кончается Vorgeschichte и начинается Geschichte, или, какъ эта мысль иначе формулируется у того же Маркса, за царствомъ необходимости начинается царство свободы. Вмѣсто злобнаго, несчастнаго, раздираемаго враждой человѣческаго міра создается вдругъ свѣтлое, полное гармоніи и радости царство человѣкобоговъ, начинается *исторія*, изъ грязнаго безобразнаго кокона вылетаетъ чудная бабочка, грязное яйцо лопается, и въ немъ оказывается райская птица...

И вотъ на основаніи того же самаго понятія естественной необходимости, съ какимъ оперируетъ современная научная мысль и въ дарвинизмѣ, и въ марксизмѣ, и вообще въ эволюціонизмѣ, — мы и постулируемъ, утверждаемъ необходимость чуда—Воскресенія Христова, а за нимъ и всеобщаго воскресенія и преображенія, какъ высшаго и заключительнаго звена космической эволюціи. Центръ вопроса состоитъ именно въ томъ, гдѣ же искать мірового деміурга, творящаго эту „естественную необходимость?“ Видѣть-ли его въ полуфантастическомъ, полумиѳологическомъ, совершенно чуждомъ нашему внутреннему, непосредственному опыту представленіи о живой матеріи, или животворящей экономической необходимости, какъ у марксистовъ, или же видѣть ее въ свѣтлой силѣ человѣческаго и мірового духа? Эти исходныя философскія и религіозныя предпосылки не могутъ быть даны наукой, не переходящей своей компетенціи, и „научностью“ (которую, по крайней мѣрѣ, въ ковычкахъ, я сознательно противопоставляю настоящей наукѣ, какъ философское суевѣріе точному и истинному знанію), ихъ почерпаетъ человѣческій духъ въ нѣдрахъ своихъ, въ философскомъ и религіозномъ сознаніи. Для христіанства смерть есть не физическая, но нравственная необходимость, слѣдствіе грѣха, недолжнаго соотношенія плоти и духа, соотвѣтственные же физическіе процессы суть только внѣшнее осуществленіе внутренней нравственной необходимости. И, если смертнымъ неизбѣжно оказывается грѣшный человѣкъ, то безгрѣшному человѣку, совершенной святости, съ „естественной необходимостью“ принадлежитъ безсмертіе. „Смерти было невозможно удержать

Его", такъ говорили въ проповѣди о Воскресшемъ апостолы послѣ сошествія Св. Духа. „Одно изъ двухъ: или Евангельскій Христосъ—миѳъ, т. е. Его или совсѣмъ не было или же историческій Христосъ въ дѣйствительности очень отличается отъ Христа Евангельскаго (оба мнѣнія широко распространены въ наше время), или же *такой* Праведникъ, если только онъ когда-нибудь ходилъ по этой землѣ, не могъ уже сдѣлаться добычей тлѣнія, и признать противное значитъ вообще утверждать безсиліе нравственнаго начала въ мірѣ, впадать въ такой безграничный пессимизмъ, при которомъ жизнь кажется дьявольскимъ измышленіемъ, а мечты о прогрессѣ, о долгѣ—глупымъ ребячествомъ. „Если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каіафа оказался правымъ, а Иродъ и Пилатъ—мудрыми, міръ оказался бы безсмыслицей, царствомъ зла, обмана и смерти. Дѣло шло не о прекращеніи чьей-то жизни, а о томъ, прекратилась-ли *истинная* жизнь, жизнь совершеннаго праведника. Если *такая* жизнь не могла одолѣть врага, то какая же оставалась надежда въ будущемъ?" *). Въ воскресеніи Христа рѣшался вопросъ о смыслѣ міра, жизни, исторіи, о правдѣ міра. Въ Немъ все бы умерло, и съ Нимъ все воскресаетъ, исполняется свѣта и смысла, становится свѣтоноснымъ, и даже та теорія эволюціи и прогресса, которою теперь человѣчество отгораживается отъ религіи, получаетъ высшій смыслъ и значеніе.

„Если Христосъ не воскресъ, тщетна вѣра наша", тщетна исторія, тщетенъ прогрессъ, тщетна культура, — все тщета, тлѣнъ, безсмыслица.

Христосъ воскресъ!

---

*) В. С. Соловьевъ. Пасхальныя письма. „Христосъ воскресъ!" Собр. соч., т. VIII, 107. Ср. письмо его къ Л. Н. Толстому, напечатанное въ „Вопросахъ философіи и психологіи", 1905, IV.